

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

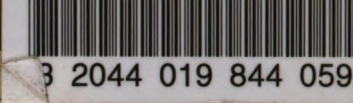
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Slav 3615.2A

Авдѣва. Записки и замѣ-
чанія о Сибири. 1837

Slav 3615.2:

7

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

FROM THE
Subscription Fund
BEGUN IN 1858

○ **ЗАПИСКИ**
И
ЗАМЪЧАНІЯ
О СИБИРИ.

*Въ Катерина Алексеевна
Сочиненіе*

*Катерина Александровна
.....Ы ..... ой.
университетъ Павловъ.*

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ СТАРИННЫХЪ РУССКИХЪ ПЪСЕНЪ.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФИИ НИКОЛАЯ СТЕПАНОВА.
1837.

Slav 3615.2

A ✓

Subscription fund.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ
Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва. Октября
15 дня 1835 года.

Цензоръ *М. Каченовскій.*

4746
125

ПРЕДИСЛОВІЕ ИЗДАТЕЛЯ.

Въ книгѣ авторъ не можетъ выразить себя; но какого-бы рода ни была она, всегда забрасываетъ онъ въ нее, мимоходомъ, самъ не замѣчая того, нѣсколько искръ своего нравственнаго бытія, какъ природа вкрапляетъ въ простой камень нѣсколько драгоценныхъ, свѣтлыхъ блесковъ, окружавшихъ его, когда онъ скрывался еще въ темныхъ недрахъ земли. Чпѣ шупъ существенность? Само-ли вещество, получившее блескъ и цѣнность отъ постороннихъ окропленій, или онъ, эпи сроднившіяся съ нимъ и уже безразлично соснавлиющія его часпицы, копорыхъ блескъ напоминаетъ чпо-шо высшее проспыхъ образованій земли? Не знаю. Но невольно пробуждались во мнѣ эпи мысли, когда читалъ

*

я *Записки и Замѣчанія о Сибири...* Въ самомъ дѣлѣ спранны, что при такомъ предметѣ, гдѣ чипапелъ вправѣ ожидать полько замѣчаній Географическихъ, Спашиспическихъ и Эпнографическихъ, онъ меньше всего найдетъ ихъ, и вѣрно будетъ благодарить за эпо милую сочинительницу. Въ нашъ *псевдонимическій вѣкъ* не рѣдкость встрѣпипть книгу, гдѣ спраннысп имени автора или даже чепко напечатанное имя женщины-сочинительницы не введетъ въ заблужденіе никого. Но въ предлагаемой чипапелю книгѣ, онъ, послѣ нѣсколькихъ спраницъ, убѣдился, что ее писала женщина, и даже не свѣпская, не имѣющая никакихъ припязаній на авторспво. Скажу больше: я имѣлъ порученіе дополнить и даже переправить эту книгу, но я не сдѣлалъ эпого, и она передъ глазами чипапеля въ спомъ видѣ, въ какомъ вышла изъ подъ пера сочинительницы. ЧпѠ прибавили-бы для достоинспва сочиненія ея нѣсколько мерпвыхъ числъ, нѣсколько лишпихъ подробностей? Но еще меньше нужны были всѣ передѣлки, оглаживанья, вспавки, исключенія, для пошлыхъ липсперапурныхъ приличій. Я думаю и надѣюсь, чипапели согласяпся со мною, что именно простота описаній, искренность подробностей и поэія папприархальной жизни спаринной Сибири соспавляютъ испинную прелестъ эпой книги. Цѣкпоторыя спраницы, на примѣръ описаніе сва-

дебныхъ обрядовъ, гаданій, ворожбы, спариннаго быща, предспавляющъ шакую поэзію, какой не найдемъ у многихъ нынѣшнихъ поэсовъ. И эпо сполько-же въ самомъ предметѣ, сколько въ помъ, какъ онъ описанъ. Холодный умъ, свѣтскій взглядъ, малѣйшая изысканность и, если можно сказаць, манерность испорчили бы шуптъ все. По эпому-шо, сохраняя описанія сочинительницы во всей полнотѣ, я не приводилъ въ порядокъ замѣчаній ея и даже не исключалъ повореній. Не система, а просподушіе, сила чувспва и прелесць предмета соспавляющъ доспоинспво эпного сочиненія.

Для незнающихъ хорошо Сибирскаго быща замѣчу, что, можетъ быть, нигдѣ, кромѣ Сѣверной Россіи, не сохранилась шакъ старая Русь, какъ въ Сибири. Не удивительно: первыми переселенцами въ нее были жители сѣверныхъ областей Россіи, куда не доспигала ни Татарская плещь, ни Польская спѣсь, ни Французскій вѣкъ знаменишаго Людовика XIV.

Въ концѣ приложено собраніе спаринныхъ пѣсенъ, которое опличаешся вѣрностью списковъ и конечно будетъ оцѣнено знапоками.

К. П.

Ксентоветъ Толстой 1)

1) Братъ Е. А. Толстой. Александръ Толстой

ЗАПИСКИ И ЗАМѢЧАНІЯ

0

СИБИРИ.

Съ удовольствіемъ слышу я, что многіе образованные люди пишутъ о разныхъ частяхъ Сибири. Чтобы описать всю Сибирь, ея произведенія, народы, населяющіе ее, ихъ обряды, преданія, надобно посвящать на это жизнь свою. Я буду напрощивъ говорить только о томъ, что видѣла, и не съ тѣмъ, чтобы попасть въ число писателей. Мнѣ пріятно вспомнить о той странѣ, гдѣ прошли лѣта моей молодости. Я жила въ Сибири около двадцати лѣтъ.

Сибирью называютъ пространство, заключающее въ себя четыре губерніи: Тобольскую, Томскую, Енисейскую и Иркутскую. Къ Иркут-

ской губерніи причисляются Якушская и Камчатская обласпи. Прежде причисляли къ ней и Пермскую губернію; да и въ самомъ дѣлѣ Пермская губернія сходствуетъ болѣе съ Сибирью, нежели съ Россією; но я собственно буду говорить объ Иркутской губерніи.

Въ Иркутскѣ полагаютъ около шестнадцати тысячъ жителей. Чиновники, купцы, мѣщане и цеховые составляютъ его народонаселеніе.

Въ Иркутской губерніи нѣтъ помѣщичьихъ крестьянъ. Мѣстоположеніе города Иркутска прелестно, особливо когда подъѣзжаешь къ нему изъ Россіи. Лѣтомъ надобно перѣзжать Ангару на *карбазъ* (такъ называютъ тамъ плоскодонное судно, въ родѣ барки). Ангара вытекаетъ изъ озера Байкала, верстъ за шестьдесятъ отъ Иркутска. Она соединяется близъ города съ Иркутомъ и обтекаеть Иркутскъ. Это прекрасная судоходная рѣка; вода въ ней чистая, дно каменистое; въ Иркутѣ дно песчано-глинистое, вода гораздо шельѣе, и при соединеніи этихъ рѣкъ, каждая сохраняетъ свой цвѣтъ; въ Ангарѣ вода свѣтлая, прозрачная, отъ глубины кажется синяго цвѣта, а въ Иркутѣ отъ глинистой почвы дна вода мушная, красноватаго цвѣта. Иркутъ зиме; онъ спановится и вскрывается прежде Ангары, которая очень быстра, спановится въ Декабрѣ и вскрывается въ Маршѣ. За рѣкой видѣнъ обширный лугъ,

а вдали Вознесенскій монастырь, въ кошоромъ
 мощи перваго Епископа Иркутскаго Иннокен-
 сїя. Каждый изъ жителей города нѣсколько
 разъ въ годъ идешь шуда помолишься угоднику.
 Монастырь хорошо выспроенъ и богато укра-
 шенъ. Въ немъ при церкви каменныя и одна де-
 ревяная, въ кошорой служилъ Иннокенсїй и
 гдѣ прежде лежали мощи его. Въ 1805 году они
 перенесены въ Вознесенскую церковь и положе-
 ны въ великолѣпную серебряную раку. Церкви
 украшены серебряными вызолоченными иконами;
 кельи каменныя. Далѣе по берегу возвышающя
 горы, одѣшныя зеленѣющимъ лѣсомъ, при подо-
 швѣ кошорыхъ разбросаны деревни.

Жители Иркутска почти всѣ бръюшъ боро-
 ду и спригупъ волосы, не носятъ Русскихъ
 кафшановъ, и даже черныи народъ носигъ лѣ-
 шомъ халашы, а зимою шулуцы, крышые кипшай-
 кою или нанкою; лѣшомъ круглыя шляпы и
 карпузы, а зимою шапки и мѣховыя карпузы.
 Опличительный нарядъ женщинъ нисшихъ сосло-
 вїй—покрывало, кошорое онѣ называютъ *накид-*
кою. Накидки бывающъ обыкновенно сипщевыя; но-
 сятъ и *канаватныя*, съ золошомъ. Прежде были
 накидки канавашныя рублей по сшу; и шеперь

многія за спыдъ почипаюць выйдти изъ дому безъ накладки. Обыкновенную одежду женщинъ изъ просшаго народа соспавляюць: рубашки съ широкими рукавами и узенькими запястьями (у пожилыхъ женщинъ бываець у рубашекъ высокій *воротъ* и широкій *воропникъ*), юпка и душегрѣйка или шушунъ. *Шушуны* бываюць различныхъ покроевъ. Голову повязываюць плашкомъ. Прежде всѣ купчихи носили юпки и кофшы, а на головахъ плашки; плашки были парчевыя, глазешовыя, шканые, съ золотыми коймами, шипыя золошомъ, бипью, канипелью; бывали плашки по сну пиаидесяпи рублией; дома носили въ доспашочныхъ и бѣдныхъ домахъ бумажныя вязаныя калпаки. Нынѣ всѣ молодыя женщины, купчихи, одѣваюся почно пакъ-же какъ и въ спюлицѣ. Кшо прїѣдець прямо изъ Москвы или Песербурга, шощъ мало замѣшипть разницы въ одеждѣ; за шо его слухъ жесткоко поспрадаець онгъ шамошняго выговора. Въ богатыхъ купеческихъ домахъ женщины съ давнихъ временъ подражали спюличнымъ модамъ, и нигдѣ болѣе, я думаю, не сохранились наряды прабабушекъ. Въ маскарадахъ вспрѣчаець роброны, фуру, на головахъ кораблики; мужчинъ видипе въ спаринныхъ Французскихъ кафшанахъ. На женскіе наряды упошребляли прежде шпофъ Французскій, Кишайскій, шпофъ по саржирону. Въ другомъ мѣспѣ я упомяну о различныхъ нарядахъ,

и названіяхъ разныхъ маперій, копорыхъ имена скоро исчезнутъ.

Вообще во всей Сибири живутъ очень чисто. Полы въ домахъ не крашеные, исключая немногіе дома; но ихъ пакъ чисто моютъ, что они кажутся даже палевыми. Вымывши полъ, спелютъ холстины, сшипыя во всю комнапу, напягиваютъ ихъ и приколачиваютъ гвоздями, а сверху поспилаютъ ковры, или песпрыя, узкія, полосатыя холстины, копорыя бываютъ также бѣлыя холщевыя, клѣпчатыя, полосатыя, шканыя пополамъ съ шерстью. Это издѣлія крестьянокъ шамошнихъ; онѣ красятъ пряжу и шерсть въ разные цвѣта правами, иногда пакъ хорошо, что шкань не линяетъ. Конечно, все это въ грубомъ видѣ; но замѣчу, что если-бы кто взялся испытать правы, то, кажется, можно-бы имѣть изъ нихъ хорошія краски. Начиная съ комнапъ, вездѣ найдете чистоту: въ кухню, въ погребъ, въ баню, и даже до такого измѣшества, что моютъ дома снаружи.

Въ Иркутскомъ уѣздѣ хлѣбъ вообще родится хорошо. Въ доказательство скажу, что въ обыкновенные урожайные годы цѣна ржаной муки отъ сорока до шестидесяти копѣекъ. Землю никогда не удобряютъ, но по доспапчному количеству оспапляютъ на годъ или на два. Всѣхъ родовъ хлѣбъ родится шамъ хорошо, какъ-шо: рожь, пшеница, овесъ, ячень, грѣчиха, про-

со, копорого сѣюшь мало; пшеницы озимой не сѣюшь; конопли родящся хорошо, а льну сѣюшь мало: онъ не всегда хорошо родящся. Холщы дѣлаюшь изъ пскони. Подгороднія крещьянки прядушь изъ пеньки много самыхъ шонкихъ веревочекъ, копорья называюшь *мотоузъ*; его много расходящся для вязанья бѣлки и для неводовъ и сѣпей. Овощи родящся изобильно, какъ-шо: коршопель, свекла, морковь, рѣпа, рѣдька, лукъ, пуспарнакъ, непрушка, селлерей, укропъ, чаберъ, шалфей, мяса, зоря, салапъ разныхъ родовъ; дыни и арбузы садящъ въ парникахъ; огурцы родящся, но не въ шакомъ изобилии, какъ въ Россіи; пыквы родящся довольно хорошо. Около города садящъ шабакъ и хмѣль; они хорошо родящся. Поля и лѣса покрышы цвѣшами. Нѣкопорые назову я, какъ называюшь ихъ въ Сибири: *Сарана* разныхъ родовъ. Эшо родъ лилей; имѣетъ луковичный корень, копорый Буряшы упошребляюшь въ пицу, особливо за Байкаломъ; они осенью роюшь его, загошворя на зиму, и варящъ изъ него родъ каши; увѣряюшь, что эшо довольно вкусная пица. Полевой макъ, аспры, гвоздика, колокольчики, *жаркіе цвѣтки*, *кукушкины сапожки*, *лотикъ синій* и бѣлый, множество другихъ цвѣповъ; еспъ много бальзамическихъ и полезныхъ правъ, особливо около Байкала. Тамъ еспъ правы очень сильныя, и если ихъ много упошреблящъ, шо онъ

вредны; шаковы: брунецъ, воронецъ, черногривъ, дикій перецъ и множество другихъ. Лѣса состоятъ изъ слѣдующихъ родовъ деревъ: сосна, липяница, береза, ольха, пихша, осина, кедръ, пополь, черемуха, калина, рябина, дикая яблонь, ива, боярышникъ; нѣтъ липы, дубу, вязу и фруктовыхъ деревьевъ. Кустарники: шиповникъ, шаволожникъ (или *таволга*), багульникъ, дикій розмаринъ, золотарникъ. Около Байкала и близъ селенія Тунки расцвѣтъ можжевельникъ двухъ родовъ. Ягоды: смородина черная и красная, малина, клубника, земляника, голубица, черница, княженика, коспяника; около Байкала есть морошка; брусники очень много, особливо по хребту горъ; окружающихъ Байкаль; клюквы мало. Съ Лены привозятъ ягоду, копорой я нигдѣ не видала, кромѣ Иркутска: это *обльпиха*; цвѣтомъ она оранжевая, величиною съ барбарисъ, и коспочки ея похожи на барбарисовыя. Пышались разводить плодовищныя деревья; привозили, на примѣръ, изъ Россіи яблонныя и грушевыя; они принялись, цвѣли, но не было плодовъ; прививали къ дикимъ яблонямъ, но не было успѣха. Впрочемъ, для охошника есть возможность имѣть плодовищныя деревья въ груншовыхъ сараяхъ. Барбарисъ и крыжовникъ хопя росли, но плодовъ нѣ было.

По лѣсамъ много разныхъ родовъ грибовъ, груздей и рыжиковъ.

Въ безконечныхъ лѣсахъ Иркутской Губерніи водятся разные звѣри, какъ шо: медвѣди, волки, соболи, лисицы, росомахи, бѣлки, векши, лешяги, барсуки, хорьки, крошмы, зайцы, кролики, ласпочки, бурундуки, дикія козы, кабаны и кабарга. Изъ пшиць: глухіе пеперева, обыкновенные пеперева, рябчики, кулики, дикіе голуби, кукушки, курапашки, драхвы; около рѣкъ и озеръ разныхъ родовъ упки, крохали, шурпаны, гагары, рыболовки, гуси, лебеди, журавли, цапли; изъ хищныхъ пшиць: разныхъ родовъ яспребы, коршунъ; изъ пѣвчихъ: синицы, снигири, клещы, шуръ, зяблицы, малиновки, ласпочки, чечёлки; изъ мѣлкихъ обыкновенныхъ: плишки, сприжи, воробьи; еспь совы и филины; много воронъ и сорокъ.

Домашній скопъ, шакъ же, какъ и вездѣ въ Россіи, соспавляютъ: коровы, овцы, козы, свиньи, лошади. Рогатый скопъ пригоняютъ болѣе изъ Красноярска. Буряпы имѣютъ большія спада, но скопъ ихъ мѣлокъ и не шученъ. У Буряпъ Забайкальскихъ скопъ лучше, но его шрудно доспавлять въ Иркутскъ; зимой иногда привозятъ опъ нихъ говядину шупами. Дворовыя пшицы: куры, упки, гуси, индѣйки; послѣднихъ мало водяпъ. Рѣки изобилуютъ рыбой; въ нихъ еспь: шаймени, сиги, лини, окуни, харіузы, шуки, караси, пискари, язи, сороки, налимы; но главное продовольствіе Иркутска и его уѣздовъ соспа-

вляюпть омули. Эпа рыба родъ сельдей и видомъ на нихъ похожа; она очень вкусна, особливо кпо къ ней привыкъ. Главный ловъ ея въ Августь. Переправясь черезъ Байкаль, къ рѣкѣ Селенгѣ, копорая впадаетъ въ Байкаль, промышленники являюпся съ запасомъ бочекъ и соли, а женщины для чищенья рыбы. Чешуи съ нея не счицаюпть, а полько расплапываюпть самую рыбу, вынимаюпть изъ нея внушрениоспъ и ондѣляюпть икру, копорую соляптъ и кладуптъ въ мѣшки и кадупки. Омули, копорые ловапся позже, называюпся *котцовыми*; они не шакъ вкусны, но икра ихъ очень вкусна. Еще ловаптъ омулей зимою, въ селеніи Бугульдеихъ; попому и называюпся они *Бугульдейскими*; ихъ продаюптъ зимою. Изъ Томска привозяптъ зимою много свѣжей рыбы, какъ шо: осепровъ, сперлядей, *нельмы* (бѣлорыбицы), муксуновъ. Но я еще обращаюсь къ омулямъ, эшимъ сельдямъ Иркутскимъ. Всѣ жишели, богашые и бѣдные, любяптъ ихъ, и когда привозяпся первые омули и икра, шо всѣ идуптъ на берегъ *покупать омулей и икры свѣжаго засолу*. А какъ вездъ большую часпъ народонаселенія соспавляюптъ люди небогашые, шо бѣдныхъ болѣе нежели богашыхъ идептъ покупаптъ омулей и икры. Мужчины, женщины, дѣши несуптъ омуль или два и икры копѣйки на двѣ, въ капупномъ лиспѣ. Я еще помню, чпо лѣптъ

пятидесятъ пять тому назадъ, бочка омулей продавалась по тринадцати рублей; въ бочкѣ обыкновенно бываетъ тысяча или не много болѣе; но лѣтъ за пятнадцать цѣна возвысилась до шестидесяти рублей. Изъ Баргузина и Ольхона привозятъ юколу и порсу; первая болѣе дѣлается изъ щуки и сига. Изъ сига дѣлаютъ ее слѣдующимъ образомъ: цѣлую рыбу, расплаваши, надрѣзываютъ поперекъ и вялятъ на солнцѣ; щуку только расплашиваютъ и вялятъ. Порсу дѣлаютъ изъ окуней и другой мѣлкой рыбы, но едятъ сушатъ рыбу кусками, вмѣстѣ съ икрой. Порсу употребляютъ въ поспы для щей, какъ снѣдки въ Россіи. Еще привозятъ, хотя въ небольшомъ количествѣ, изъ Томска, небольшую рыбку муксуны, сушеную, копорую болѣе подаютъ на закуску. Когда привозятъ зимою изъ Томска осепровъ, то всякій, кто можетъ, заготовляетъ эту рыбу въ прокъ дома, а соеной хорошей рѣдко можно доспать въ рыбномъ ряду. Лѣтомъ привозятъ живыхъ осепровъ, но они не дешевы, и потому этимъ могутъ пользоваться только люди богатые.

Судя по тому, что я говорила о произведеніяхъ Иркутска и его уѣздовъ, не лзя назвать этихъ мѣстъ голодными; тамъ есть все нужное, кромѣ предметовъ роскоши; нѣтъ ананасовъ, апельсиновъ и другихъ фруктовъ; нѣтъ яблоковъ и

даже вишень; но это не соспавляетъ народнаго продовольствія. Иной, живши и въ Россіи, сроду не ѣлъ апельсиновъ, абрикосовъ. Также довольно дороги въ Иркутскѣ вещи, привозныя изъ Россіи, пошому что дорого спдишь провозъ; но человекъ доспапочный можетъ имѣть все: варенье, обсахаренные плоды, сухіе фрукты, вина; даже шампанское и ромъ въ Иркутскѣ не рѣдкость, но все это очень дорого. За то есть много вещей, копорыя довольно дешево, особливо все нужное для домашняго продовольствія. Въ урожайные годы мука ржаная отъ 40 до 70 копѣекъ за пудъ; пшеничная хорошая отъ 1-го рубля 60 коп. до 2-хъ рублей; говядина отъ 2-хъ до 3-хъ рублей за пудъ; масло коровье отъ 16 до 20-ти рублей; конопляное 30 коп. за фунтъ; масло изъ кедровыхъ орѣховъ рубль фунтъ; крупа ячменная отъ двухъ съ полшиною до трехъ рубл. пудъ; возъ сѣна отъ пяти до восьми рублей; сажень дровъ однополѣнныхъ, лучшихъ березовыхъ 5 р., сосновыхъ 2 р. 50 коп. и при рубли. Овесъ продаютъ не чешвершами, но мѣшками; мѣшокъ, въ копоромъ около трехъ чешвериковъ, спдишь 2 или 3 рубли. Овощи продаютъ также мѣшками; мѣшокъ, слишкомъ два чешверика картофелю, 8 гривенъ и рубль, свеклы и моркови 7 и 8 гривенъ, рѣпы 40 и 50 копѣекъ; капуста сошья 4 рубли. Масло коровье, коно-

пьяное и ореховое продаются *безмянами*; безмянь соспавляетъ два фунта съ половиною.

Каждый народъ прискиваетъ въ произведеніяхъ своей земли не только нужныя вещи, но и лакомства, свойственныя мѣсту его жительства. Проспой народъ въ Иркутскѣ весной лакомится *сосновымъ сокомъ*. Вы спросите, что это такое? Весной женщины, которыя этимъ промышляютъ, идутъ въ лѣсъ, счищаютъ кору съ сосновыхъ деревьевъ, и понкою проволокою сдираютъ находящіяся подъ корою пластны, величиною въ карпузную бумагу, вершковъ въ шесть длины и вершка 3 ширины; это называютъ *сокомъ*. Многія продаютъ его рубли на при въ день. Его носятъ по улицамъ женщины и кричатъ: кому надо соку? Услышавъ эшотъ призывъ, дѣти бѣгутъ покупать сокъ, да и взрослые всѣ ѣдятъ его, говоря, что онъ здоровъ. Другое лакомство проспаяго народа: выжимки изъ кедровыхъ ореховъ. Когда дѣлаютъ масло, оспапки эти называютъ *избойной*, продаютъ ихъ фунтами, или дѣлаютъ маленькія лепешечки, и продаютъ по копейкѣ, иногда и дороже. Сухую черемуху мѣлютъ мелко, обвариваютъ кипяшкомъ, прибавляютъ сахару или меду и декутъ съ этой начинкою пироги; это очень вкусно. Еще есть лакомство или лучше сказать забава: берутъ смолу съ липвяницы, кладутъ ее въ горшокъ и спавяютъ

въ легкой жаръ на нѣсколько часовъ; вынувши, просуживаютъ и продаютъ кусками или лепешками. Приготовленную такимъ образомъ, называютъ ее *сирою* и жуютъ, наиболее женщины почти всѣхъ сословій; но въ хорошихъ домахъ спыдятъ *жевать*, особливо при поспороннихъ. Хотя это не слишкомъ хорошая привычка, но въ Индіи также любятъ жевать беспель, а въ Испаніи курятъ сигары. Вездѣ свои обычаи!

Въ Иркутскѣ два госпицныхъ двора наполнены разными поварами. Тутъ есть все, начиная отъ предметовъ роскоши, до самыхъ грубыхъ издѣлій; но нѣтъ такого раздѣленія лавокъ, какъ въ Россіи. Въ одной лавкѣ найдете вы сукно, шелковыя матеріи, холстъ, чай, сахаръ и разные мѣлочи. Кромѣ этихъ рядовъ есть лавки, гдѣ прежде былъ базаръ, который переведенъ въ другое мѣсто и обнесенъ заборомъ. На базарѣ продаютъ крупу, орѣхи, бруснику, калачи, разныхъ сорповъ булки, ржаной хлѣбъ, сусло, вареное съ брусникой и черемухой, разные припасы. Въ Иркутскѣ нѣтъ овощныхъ лавокъ въ домахъ. Тутъ-же на базарѣ есть родъ лавочекъ, которыя называютъ балаганами, и въ нихъ продаютъ свѣчи, мыло, сѣру горючую и лиспвяничную (копорую жуютъ) и разные мѣлочи. Зимой тутъ женщины продаютъ молоко замороженое. Я нигдѣ, кромѣ Иркутска, не видала, чшобы

★

продавали молоко *кругами* и *кусками*. Многіе говорятъ, когда рассказываетъ объ этомъ, что мороженое молоко не хорошо для употребленія; напримеръ, я нахожу это доспойнымъ подражанія. Вошь какъ это дѣлается: зимою, когда есть лишнее молоко, которое хотяшь сберечь, выливаютъ парное въ чистую кашрюлю, кладушь въ него чистую лучинку и выспавляютъ на морозъ. Черезъ нѣсколько часовъ оно замерзаетъ; тогда вносятъ его въ тепло, даюшь не много опшяяшь и за лучину вынимаюшь изъ кашрюли; попомъ опносятъ опяшь на холодъ и кладушь въ чистую кадущку, которую закрываютъ, чтобъ молоко не въприлось. Когда нужно употреблять, приносятъ его и распяваютъ. Не только молоко, но и сливки можно сохранять такимъ образомъ болве мѣсяца.

Иркускъ можно почестъ средопочіемъ и складочнымъ мѣстомъ Сибирской торговли. Всѣ повары, идущіе изъ Россіи, проходятъ черезъ Иркутскъ въ Кяхту, Якускъ, Охотскъ, Камчатку. Изъ Россіи идушь для Кяхты сукна, мерлужки, кошка, Немецкіе бобры, корсакъ, юфть, сафьянъ, козелъ; также издѣлія нашихъ фабрикъ: запряпезъ, плизъ, зеркала, красные ко-

раллы, копорые Кипайцы и Русскіе купцы называютъ *маржанъ*. Изъ пушныхъ поваровъ, копорые доставляютъ Сибирь, промѣниваются Кипайцамъ: бѣлка, лисица, низкіе соболи, хорьки; бобры и выдры идутъ черезъ Американскую Компанію. Оптъ Кипайцевъ получаютъ: чай разныхъ сорповъ, какъ-то байховый, черныи, сквозникъ, цвѣпочныи разныхъ сорповъ, зеленыи и кирпичныи, сахаръ леденецъ, часъ кипайки, дѣбы, канчи, фанзы, чанчи, флеръ, урубки, небольшое количество фарфору и деревянной, крышой лакомъ посуды, разные сухіе фрукшы, виноградъ, плоды, пабакъ курипельный. Есть еще много поваровъ, промѣниваемыхъ оптъ Русскихъ купцовъ и вымѣниваемыхъ оптъ Кипайцевъ; но я не упоминаю обо всемъ подробно, ибо не смѣю взять на себя описывать шакой важныи предметъ. Если-бы кто изъ господъ поргующихъ взять на себя прудъ описать нашу порговлю съ Кипайцами, это было-бы весьма любопытно.

Въ Якутскѣ отправляютъ повары, получаемые изъ Россіи, также разныхъ сорповъ чай, сахаръ леденецъ, ромъ и разныя вина, муку ржаную и пшеничную, сухари, пряники, крупу, свѣчи восковыя, масло коровье и деревянное, пабакъ, мыло, свѣчи сальныя. Опшуда вывозятъ бѣлку, соболей, разныхъ родовъ лисицъ, медвѣдей, песцовъ бѣлыхъ и голубыхъ, мамоншовую

кось. Часъ поваровъ идетъ въ Охотскъ, въ Камчатку, въ Ижигинскъ, въ Зашиверскъ и другія мѣста; опшуда получаюцца шъ же пушныя шовары, о кошорыхъ упомянуто выше, кромѣ мѣлочей, вывозимыхъ болѣе каждымъ для себя, каковы напримѣръ перчашки разныя, очень хорошо выпшиныя; изъ Камчатки и Ижиги чулки *ровдужные, парки, камлейки, унты* *, нишки изъ жилъ и моржовыя клыки. Изъ Енисейска получаюцца бѣлку и небольшое количество другихъ пушныхъ поваровъ, шакже холсптъ, унты, рукавицы, нишки, калпаки бумажныя, вязаныя чулки. Изъ всѣхъ поваровъ, проходящихъ черезъ Иркутскъ, ославляюцца нужное количество для города, а прочіе опправляютъ въ уздныя города. Если чего не лзя имѣть въ Иркутскъ, шо эшо свѣжихъ плодовъ; все другое можно доспаць. Естъ много предметовъ промышленности, кошорые совсѣмъ другимъ образомъ производяцца нежели въ Россіи. Народъ привыкъ къ эшому порядку вещей; напримѣръ, въ Иркутскъ нѣтъ мучныхъ лавокъ; всякій покупаетъ въ шорговыя дни, на рынкѣ, муку ржаную, шпеничную, крупу, овесъ; многіе зашопвляюцца все эшо въ годѣ, а кшо не въ сосшояніи, шъ покупаюцца по немногу. Естъ хлѣбныя казенныя магазины, изъ кошорыхъ для бѣдныхъ опшуска-

* Мягкіе сапоги изъ шкуръ дикихъ козъ, мѣхомъ внутрь.

юшъ муку по пуду на семейство, дешевле базарной цѣны. Въ мясныхъ рядахъ, кроме говядины, можно купить всегда языки, спудень и проч., но баранины продаютъ очень мало, шеляпины нѣтъ; а если кому нужно, то покупаютъ шеленка и дома бьютъ. Нѣтъ пшичныхъ лавокъ, и если кому нужно, то берутъ пшичу въ домахъ; у всякаго, кто живетъ домомъ, есть дворовая пшича. На зиму, въ послѣднихъ числахъ Ноября, а иногда и раньше, смотря какова осень, бьютъ гусей, утокъ, куръ, индѣекъ, и вычисливши, обледеняютъ каждую пшичу порознь, складываютъ въ кадки и засыпаютъ снѣгомъ. Такъ какъ зима бываетъ поспоянная, то пшича сберегается до Апрѣля и далѣе. Свинину и поросятъ всегда можно купить на рынкѣ; вепчины не продаютъ на рынкахъ, а всякій заготовляетъ ее дома; иногда можно и купить въ домахъ. Погребовъ зеленыхъ нѣтъ; все нужное заготовляютъ съ осени; нѣтъ булочниковъ и нигдѣ не пекутъ кренделей и хлѣбовъ, такъ называемыхъ Французскихъ. На рынкѣ продаютъ калачи *обварные* и просыя булки, ржаной и пшеничный хлѣбъ; но по большей части пекутъ все это дома. Разнощиковъ нѣтъ никакихъ, кроме что весной и лѣтомъ женщины продаютъ лукъ, рѣдьку, сокъ сосновый, о копоромъ я упоминала, и ягоды. Носятъ иногда каршофельную муку, копорая шамъ

превосходной доброшы , масло конопляное , ореховое , и ореховую избойну. Въ Иркутскѣ также нѣтъ модныхъ магазиновъ. Кажется, что смѣшная модиспка могла бы памъ нажипсья порядочно. Кондипорскихъ и прапкпировъ по-же нѣтъ. Меня, когда я прѣвхала въ Россію, изумило множеспво вывѣсокъ, хопя я прежде и знала о нихъ.

Лѣтъ придцать назадъ въ Иркутскѣ вели жизнь паптріархальную. Хозяйки сами занимались хозяйствомъ; въ семейспвахъ, гдѣ были женашые брашья, невѣспки ходили поочередно въ кухню, смопрѣтъ за приготоовленіемъ кушанья, а дѣвицы разливали чай; весь домъ и хозяйспво завѣдывали сами хозяйки. При свашань за дѣвицу никогда не спрашивали *денегъ и приданого*; всякій давалъ по своему соспоянню; не было *рядныхъ*, и если кто просилъ денегъ, по шакой женихъ получалъ ошказъ; говорили, что *хочетъ жениться на деньгахъ*; и попому женихи искали шолько , чпобы невѣспа была хороша лицомъ, хорошаго характера и была-бы *хозяйка*. Дѣвицы съ малыхъ лѣтъ пріучали къ хозяйспву. Въ доспаппочныхъ домахъ все загоповлялось *въ прокъ, годовое*: мука, разная крупа, сѣмя конопляное, орѣхи кедровые, брусника, масло коровье; на зиму загоповляли солонину, капусту многими манерами , огурцы , грузди , рыжики , обварные грибы, варенье разное, овощи, коренья; къ лѣшу

приготовляли вешчину, рыбу, языки, говядину провѣсную. Во многихъ домахъ макали свѣчи, два раза въ годъ: осенью и въ Марштѣ; дѣлали свой солодъ; посылали служителей за дровами, за вѣниками; заготовляли на годъ дресву, по еспь крупный песокъ: эшо вещь необходимая въ опряпномъ Иркушскомъ хозяйствѣ; ее доспаюптъ на кость, или лучше сказашъ на Ангарской опивѣли, противъ города, или у Пепрушиной горы; шамъ копаюптъ ее и промываюптъ въ водѣ.

Купцы занимающся торговою въ Кяхтѣ, ѣздяптъ въ Якушскъ, Охошскъ и на ярмарки Нижегородскую, Ирбишскую и Ононскую. Съ Сешября ѣдуптъ купцы сами, а нѣкопорые опсправляюптъ прикащиковъ въ Тунку, въ Баргузинъ, въ Илимскъ, въ Нижнеудинскъ и въ Верхнеудинскъ за покупкою бѣлки и пушныхъ шоваровъ. Въ Ноябрь начинаюптъ прѣзжаптъ съ шоварами и тогда-же прѣзжаюптъ Буряпты изъ Тунки, Каменки и Балаганска съ пушными шоварами. Князьки ихъ привозяптъ довольно большія паршии; къ нимъ ѣздяптъ на кварширы смопрѣптъ бѣлку и другіе шовары; просые звѣроловы, у копорыхъ небольшія паршии, возяптъ въ саняхъ и носяптъ по домамъ бѣлку, медвѣдей, соболей, волковъ, лисицъ и спрую кабарожью.

Осенью и зимою въ купеческихъ домахъ вспаюптъ очень рано; чай пьюптъ со свѣчами, попому чшо съ разсвѣпомъ дня начинаюпся дѣла. Бу-

ряшы спараюцца прыдшы кога еше чупь на-
 чинаешъ свѣшашъ, но всѣ знаюць ихъ уловку,
 и обыкновенно заспаваюць дожидашся совер-
 шеннаго разсвѣта; тогда смопрятъ поваръ и
 торгуюцца. Когда куплено довольное число бѣ-
 ки и другихъ поваровъ, шо ихъ раздѣляюць на
 соршы; бѣлку вяжущъ въ *бунты*, по двадцати
 бѣлокъ; эшимъ занимаюцца многіе жипели, шакъ
 что бѣлковязаніе соспаваляетъ особенное реме-
 ло. Иногда въ одномъ купеческомъ домѣ вяжущъ
 бѣлку человекъ 10, 15 и 20. Они работаюць
 всегда на *хозяйскомъ хлѣбѣ*, и ихъ кормяць
 хорошо, поящъ чаемъ, а передъ обѣдомъ, ужи-
 номъ и завшракомъ даюць имъ по рюмкѣ водки.
 Связавши бѣлку, шючашъ въ шюки и опшравля-
 юць въ Кяхпу, въ Москву или на ярмарки Ир-
 битскую и Нижегородскую. Лучшая бѣлка по-
 чипаешся Баргузинская, Тункинская подгородняя
 и Якушская; за шѣмъ слѣдуюць Енисейская и
 Ленская. Соболі почипаюцца лучшіе Баргузин-
 скіе, Нерчинскіе и Вишимскіе; они имѣюць высо-
 кій волосъ и чернѣй цвѣтъ, но скоро опщвѣшашъ;
 Камчатскіе не шакъ черны, но не шакъ скоро и
 опщвѣшашъ. Соболь соршируюць и разбираюць
 на сѣроки; сѣроки дѣлящся на полусѣроки; связ-
 ка изъ двадцати соболей кладешся въ кипящаш-
 шый мѣшокъ, длиною прошивъ величины соболя,
 шириною вершковъ въ восемь; эши шакъ назы-
 ваемья сорочки дѣлаюцца обыкновенно изъ нело-

щеной синей китайки. Лисицы разбираются на десятки. Лучшие соболи опшправляются въ Россію; Китайцамъ промънивающъ низкіе соболи и шо въ небольшомъ количествѣ.

Въ Иркутской губерніи одна казенная фабрика: Тельминская суконная и при ней хруспальная. На нихъ работающъ ссыльные; она въ хорошемъ успройсшвъ. Часпные заводы еспъ кожевенные, мыловаренные, свѣчные. Ремесла, копорыми занимающа жипсели, не въ лучшемъ состояніи, пошому болъе, что люди богатые спараются все нужное для себя выписыващъ изъ Москвы и Пешербурга; однакожъ еспъ хорошіе ремесленники, какъ-шо: серебряники, мѣдники, кузнецы, споляры, скорняки, поршные, сапожники, башмачники, плошники. Эшо я говорю о свободныхъ ремесленникахъ; но въ Иркутскѣ еспъ еще *рабочій домъ*, гдѣ находищся опредѣленный комплексъ ремесленниковъ изъ ссылочныхъ. Тамъ можно найдши почши всякихъ масперовъ; даже еспъ часовщики и живописцы. По прошеспвіи положенныхъ лъшгъ, пгъ рабочіе, копорые ведутъ себя хорошо, получающъ дозволеніе селищся, и они уже населили шакъ называемую Борисоглѣвскую слободу, копорая составляетъ предмъспіе города, близъ рабочаго дома.

Многіе изъ жипселей мясники; изъ нихъ еспъ люди богатые; шакже много рыбаковъ, и они изъ роду въ родъ передающъ свое занятіе; оп-

купають рыбныя ловли и аршелями ловають рыбу; зимою продають ее въ рыбномъ ряду, а лѣпомъ на берегу, куда приплавливають ее въ лодкахъ. Есть ремесленники, копорые принадлежатъ памошнему краю исключительно: это *ширлящики* и *звѣровщики*. Первые *ширятъ* въ кожи повары, опправляемые въ Охотскъ и Якутскъ; вторые промышляють бѣлку, соболей, лисицъ и прочихъ звѣрей. Они уходяють въ лѣса, по нѣсколку человекъ, въ извѣстныя имъ мѣста, болѣе около Байкала; памъ у нихъ построены избы, и шуда забирають они съ собой нужное количество хлѣба и другихъ припасовъ, берутъ собакъ, и живутъ мѣсяца по два; уходяють въ первыхъ числахъ Сентября, а приходять въ Ноябрь. Собаки у нихъ проспой породы, но очень злы; они берутъ ихъ главное для спереженія. Звѣрей ловають *кляцями* или спрѣляють. Нѣкопорые креспяне спрѣляють дикихъ козъ, также ловають *пленками* или силами шпичъ, спавяють кляпцы на зайцевъ; но преимущественно эпимъ занимаються Буряшы. Многя женщины пекуть сухари для Якутска, Охотска и Камчатки, ржаные и пшеничныя двухъ соршовъ: проспые и сдобные. Эпи сухари не по, чпо разумьють подъ названіемъ ихъ въ Россіи; это изъ пшеничнаго шеспа испеченія, самыя маленькія булочки, копорыя высушивають для того, чпобъ онѣ не поршились; ржа-

ные сухари бываютьъ ровными рѣзаными кусками. Креспьяне, живущіе по берегамъ Иркутска и Ангара, занимаются рубкою лѣса и дровъ. Весь лѣсъ, употребляемый на постройку домовъ, плавишся по Ангаръ и Иркутску; но главныя лѣсныя ярмарки бываютьъ 8 и 20 чиселъ Іюля; особенно первая естъ маленькій праздникъ или, лучше сказать, развлеченіе для жишелей. Кромъ лѣса прицлавляютьъ на площахъ вилы, грабли, лопаты, лукошки, плешенныя и проспо сшишныя изъ береспы; также шуязки (шакъ называютьъ шамъ бураки, копорые употребляютьъ въ Россіи для икры и меду). Ихъ дѣлаютьъ очень искусно и разной величины, опъ спакана до двухъ ведеръ; въ нихъ держашъ воду, квась, молоко, ягоды. Кто изъ Иркутскихъ, бывши ребенкомъ, не восхищался шуязками? Для дѣпей дѣлаютьъ ихъ шисенные и съ рѣзьбою, подъ копорую подкладываютьъ цѣшныя лоскушья и сверху покрываютьъ слюдю. Еще привозяшъ на площахъ мохъ, копорымъ конопашяшъ дома при постройкѣ. Лѣтъ сорокъ назадъ всъ дома спроились самымъ стариннымъ манеромъ. Обыкновенно дворъ обносили высокимъ заборомъ, чшд въ Иркутскъ называютьъ *заплотъ*; большія воропа были заперты засовомъ и опширались полько для проѣзда экипажей; для пѣшеходовъ была сдѣлана калипка, у калипки задвижка, къ копорой привязывался ремешекъ. Если ремешекъ былъ продѣшъ на

улицу, по можно было поднятъ задвижку и опиритъ вороша; а если выдернуть, по надобно было спучать; для этого придѣлывалось большое желѣзное кольцо, а подъ кольцомъ желѣзная же бляха, чпобъ слышнѣе было, когда спучать. Передній дворъ вымощенъ бывалъ досками. Дома были высокіе и спроились въ два жилья: въ верху горницы, а нижнюю половину занимала кухня, кошорую называютъ шамъ *подкльтъ*, и кладовая, по шамошнему *подвалъ*. Если домъ былъ въ одно жилье, по низъ занимало *подполье*, родъ сухаго погреба, и подвалъ. Крыльцо дѣлали высокое, внизу обнесенное рѣшешкою, съ дверцами; на крыльцѣ были устроены лавочки; сѣни большія поже со скамейками кругомъ спѣнъ и съ двумя окнами. Лѣшомъ въ сѣняхъ обѣдали и ужинали. Посреди сѣней была дверь въ чуланъ, а позади чулана ходъ на верхъ. Въ иныхъ домахъ были мезонины, кошорые называютъ въ Иркутскѣ *чердакъ*; они были по большой часпи холодные. Горницы раздѣлялись сѣнями на двѣ половины; ихъ обыкновенно называли *задняя* и *передняя*; передняя на улицу, а задняя во дворъ. Изъ сѣней входили прямо въ горницу; шамъ на правой споронѣ изразчатая печь съ вычурами. Въ переднемъ углу спавили образа; передъ образами висѣли лампы съ восковыми свѣчами. Подъ ними въ углу спавили сполъ, крашеный го-

лубой, зеленый, или красный, съ бѣлыми краями; кругомъ были скамьи, копорыя послѣ замѣнили софами (обитыми кожей) и спульями. Комната обыкновенно раздѣлялась на двое; за перегородкой была спальня и стоялъ шкафъ съ посудой. Въ заднихъ комнатахъ помѣщались дѣти; иногда спарики хозяева успупали переднюю горницу женапымъ сыновьямъ, а сами жили въ задней. Трудно повѣришь, сколько помѣщалось людей въ двухъ, прехъ комнатахъ. Можно сказать, что гдѣ нынче тѣсно чепыремъ челоуѣкамъ, тамъ въ спарину жили десяшь челоуѣкъ, и были здоровы и веселы. Если не было кухни внизу, то она была выспроена во дворъ, и тогда называли ее *зимовьемъ*. Жизнь была также патриархальна, какъ и убранство комнаты. Въ просные дни, вставши до свѣта, разумеется зимой, всѣ пили чай; мужчины зимой съ разсвѣтомъ, если семейство было большое. Послѣ этого, въ купеческихъ семействахъ, одни оставались дома, а другіе шли въ господный дворъ; но прежде завтракали, потому что рѣдко приходили зимою обѣдать, а если и приходили, то поздно. Обѣдъ въ просные дни, когда случалось много дѣла, былъ въ два часа; послѣ обѣда опять занимались всякій своимъ дѣломъ; часа въ чепыре пили чай, а часовъ въ восемь или девять ужинали. Послѣ ужина женщины и особливо дѣвочки сидѣли и шили. Гдѣ въ семействѣ было нѣ-

сколько дѣвицъ и женщинъ, шить всѣ шили сами бѣлье, плащье и разныя домашнія - мѣлочи. Женщины въ Иркутскѣ большія масперницы шить бѣлье, и щеголяли эшимъ одна передъ другою. Нигдѣ, я думаю, шакъ хорошо не спегають одѣяль разными манерами; но въ домахъ доспапчныхъ не спегали дорогихъ одѣяль; на по были особенныя масперницы и брали прежде рублей 30 или 40 за одѣяло; нынче эша работа спойтъ рублей спо или болѣе. Дѣвицы особенно занимались разными рукодѣльями: вышивали шелками, золошомъ, фольгой, въ шамбуръ и гладью; вышивали разными узорами полошницы; но главное занятіе было хозяйспво. Въ большихъ семейспвахъ, какъ я уже сказала, ходили поочередно въ кухню; но въ праздники или именины шить заботились всѣ. Каждое Воскресенье ходили къ заупрени и къ обѣдни. Обѣдь въ праздники былъ рано. Послѣ обѣда спарики опдыхали, а люди молодые вѣхали капашься или въ госпи. Даже въ богатыхъ домахъ вся прислуга соспояла изъ двухъ или шрехъ женщинъ: эшо были кухарка, горничная и при дѣшяхъ нянька. При такой чиспощѣ и порядкѣ, какой наблюдался во всѣхъ домахъ, не мудрено, что хозяйкамъ много было дѣла. Они не знали экономокъ и сами занимались выдачею всего. Ни въ одномъ домѣ купеческомъ не было лакеевъ; должностъ ихъ исправляли мальчики, кошорыхъ

опдавали родители или родспвенники для навика къ торговль. Такой мальчикъ, исправляя разныя порученія хозяевъ, долженъ былъ прислуживашь и въ домъ; эшо продолжалось два, при года. Если онъ оказывался вврень и распоропень, шо ему поручали уже дъла большей важности, а мѣспо его занимали другіе. Для черныхъ работъ имѣли работниковъ, копорые исправляли и должностъ кучера. Когда бывали при домъ дворникъ или два, ихъ называли *караульщиками*. Они сперегли домъ поочередно, днемъ и ночью. Зимой почпи въ каждомъ домъ жили въ работникахъ Буряпы: Они приходили въ городъ осеңью и жили до Мая; шогда ояпшь уходили въ свои улусы. Они привыкли жить въ Русскихъ домахъ и всегда исправляли, какъ не лъзя лучше, домашнія работы: вѣдили за дровами, рубили ихъ, возили воду, смопрѣли за скопомъ.

Около Иркутска множеспво лѣсу, и пошому, лишь едва спановилась зимняя дорога, многіе посылали работниковъ за дровами въ лѣсъ. Каждый день онъ долженъ былъ вспашь часа въ шри пополуночи и ѣхашь на двухъ или прехъ лошадяхъ. При прехъ лошадяхъ опсправлялись двое, а на одной или двухъ одинъ, и вѣдили верспъ за 10 опъ города, или много за пяпнадцапъ; къ двумъ часамъ возвращались съ дровами. Когда много было навезено дровъ, шо весной нани-

мали Буряпъ рубишь ихъ. У кого были двѣ лошади, шѣ могли въ зиму заготовишь такимъ образомъ сажень 20 дровъ. Иногда весной нанимали Буряпъ рубишь дрова въ лѣсу, и для этого назначали имъ удобное мѣсто вершнѣ за 15 или за 20 ошъ города; они рубили дрова и клали полусаженями. Зимой перевозили дрова на своихъ лошадяхъ или нанимали креспьянъ перевозни ихъ. Случалось, хопя рѣдко, что половину шакой заготовки крали охопники до чужаго.

Зимою живесть въ городѣ много Буряпъ. Они шамъ опцравляютъ ремесло маклеровъ или сводчиковъ. Многіе, сами перекупая у своихъ поваръ, носяпъ его по домамъ, а обыкновенно принесупъ шовару рублей на спю, и придетъ ихъ человекъ пашъ; но это болѣе все подгородные и бѣдные; заживочные изъ нихъ занимались скоповодствомъ и многіе землепашествомъ. Они доспавляютъ большое количество сѣна; также ихъ промыселъ деревянная посуда. Они привозяпъ чашки деревянные, корышпы разной величины и лопки, копорые называютъ въ Иркутскѣ *стьяльницами*.

Живущіе около Байкала привозяпъ рыбу, оръхи кедровые, ягоды (бруснику) и дячину. Женщины ихъ хорошо выдѣлываютъ овчины и шьюпъ шубы, шакъ что многіе Русскіе опдаюпъ выдѣлывать и шипъ ихъ. Они также покупаюпъ всякую вещь изъ спараго плашья, особливо лоскунья

шелковые и суконные, а послѣ опвозяптъ ихъ въ свои улусы. Женщины ихъ носяптъ на шеѣ корольки разныхъ цвѣтвъ; поясъ ихъ убранъ разными бляхами изъ олова, а у богатыхъ изъ серебра.

Живущіе около Балаганска привозяптъ масло коровье; но его должно перешапливать для употребленія, пошому чшо они наливають его въ кожаные мѣшки и пузыри (копорые называютъ *чалманами*), и опъ шого оно имѣетъ дурной запахъ. Князьки ихъ называются *тайшами*; другіе чиновные люди *зайсанами* и *шуленгами*. Много естъ богатыхъ. Всѣ они утверждаются въ чинахъ и званіяхъ Правительствомъ и имѣютъ кортики, но носяптъ свое платье.

Довольно спранно видѣптъ ихъ на балахъ у начальниковъ въ ихъ шпофныхъ и бархатныхъ платьяхъ, съ ихъ Азіяпской фізіономіей.

Имянины праздновали въ Иркутскѣ обыкновенно вопъ какимъ образомъ: упръмъ пекли множеспво пировъ, сдобныхъ, изъ проспаго пѣспа, съ вареньемъ, изюмомъ, черносливомъ, винными ягодами, съ пшеномъ сарочинскимъ, капустой, морковью и другими начинками. Пирогы разсылались къ родспвенникамъ по при и по чепыре пирога; гдѣ были маленькія дѣпи, по клали маленькіе пироги по числу дѣшей. Разносили и развозили ихъ женщины. Вошедши въ комнапу, женщина молилась Богу, кланялась хозяевамъ, и посшавивъ пироги на споль, просила

пипь чай къ имяниннику или объдапъ, какъ было приказано; попомъ опсправлялась въ другой домъ. У кого было много родни, пть разсылали нъскольکو женщинъ съ пирогами. Знакомыхъ звали безъ опсылки пирововъ. Вечеромъ, когда прїѣзжали госпи, подавали вина, попомъ кофе (хопя и не во время) и чай; къ чаю подавали женщинамъ каждой шарелку съ разнымъ пирожнымъ. Въ комнапъ, гдѣ сидѣли госпи, споялъ. споль, усшавленный вареньями и фрукшами; мужчинамъ подавали послѣ чаю, вина и пушъ. Они говорили о порговлѣ, о вновь полученныхъ извѣспїяхъ, о помъ, чпо пишуптъвъ газешахъ, копорыя многими получающся. Иногда вечеръ оканчивался шанцами и ужиномъ, но никогда не видно было карпъ.

Лъпъ за придцапъ, свадьбы опсправляли въ Иркутскѣ со многими обрядами. Какъ у бѣдныхъ, пакъ и у богашыхъ, сначала опецъ и мапъ совъшовались между собою; попомъ призывали жениха, объявляли какую невѣспу назначающъ ему, и если она ему нравилась, шо собирали ближнихъ родспвенниковъ и совъшовались съ ними; но эпо былъ уже шолько обрядъ, гдѣ объявляли, чпо намърены женишъ сына. Тогда изъ среды родныхъ назначали одного, кого по-

чипали способнымъ къ переговорамъ. Если назначаемая невѣспа не нравилась, по женихъ могъ самъ избиратьъ, полько съ согласія родителей. Можешь бышь, не много мѣспъ въ Россіи, гдѣ браки шакъ безприспраспны. Со спороны родителей и самого жениха почипали главнымъ, чпобъ невѣспа была хороша собою и кропкаго характера, и чпобы семейсшво ея было извѣспно съ хорошей спороны. Обыкновенно говорили: «Лучше взятьъ безъ приданого, но добраго роду.» Дочери сварливой женщины — могли споккойно сидѣшь въ дѣвкахъ, пошому чпо о нихъ говаривали: *«яблоко не далеко падаетъ отъ яблонки.»* Хорошей рекомендаціей почипалось и по, когда спаршая сеспра, вышедши за мужъ, была корошая ховайка и почпищельна къ спаршимъ въ семейсшвѣ. Я упомянула уже, чпо о приданомъ никогда не рядидись; всякій давалъ по своему соспоанію. Много еспъ пословиць къ эпому случаю, копорыхъ я не слыхала нигдѣ въ другомъ мѣспѣ. Напримѣръ: *«Платье на грядкѣ, уродъ на рукѣ. Не съ высокими жить хоромами, не съ частыми переходами, а жить съ человткомъ. Не жени сына на тещѣ, не отдавай дочери за свекра. Жена не скрипка, на спичку не повѣсишь.»* Последняя клонилась къ пому, чпобъ мужъ могъ содержать жену. Дѣвиць можно было видѣшь у обѣдни, на сговорахъ, или у знакомыхъ; но никогда не дѣлами

смотровъ; какъ ведется во многихъ мѣстахъ Россіи. Почли-бы за обиду, если-бъ кто предложилъ такую невѣжливостъ. Иногда дѣлалось эшо, но *инкогнито*, т. е. приглашали невѣспу куда нибудь къ знакомымъ въ госпи, гдѣ былъ женихъ; однако родители и невѣспа не знали эшого. Когда предварительно было все улажено, то сватъ отпралялся въ домъ невѣспы и дѣлалъ предложеніе. Обыкновенно съ одного раза не рѣшались, а просили *дать время подумать* и посовѣповаться съ родными; эшо дѣлалось даже и въ такомъ случаѣ, когда не намѣрены были выдавать: считали невѣжливостію опказавъ съ перваго раза. Если-же почипали союзъ приличнымъ, то приглашали ближнихъ родственниковъ, и посовѣповавшись съ ними, назначали день *рукобитья*. Прежде никогда не спрашивали согласія невѣспы: она должна была повиноваться слѣпо волѣ родителей; теперь эшо уже вывелось. Въ назначенный день прѣзжалъ сватъ. Обрядъ рукобитья сосполя въ шомъ, что зажигали свѣчи у образовъ, молились Богу, и опецъ и мать, или поштъ, кто заступалъ ихъ мѣсто, давали руку свату и пили за здоровье помолвленныхъ. Женихъ и невѣспа не бывали при эшомъ обрядѣ. На другой день прѣзжалъ сватъ, и назначали день сговора; до тѣхъ поръ помолвленные не могли видѣться. Въ день сговора родители, женихъ, сватъ и ближ-

не родственники прѣзжали въ домъ невѣспы. Невѣспа, одѣтая какъ можно лучше, сидѣла, окруженная подругами, въ особенной комнагъ. На сговоръ звали не только родныхъ, но и знакомыхъ. Въ другой комнагъ спавили споль, покрывали его скашершью, и вокругъ убирали лешами, кошорья опускали феспонами; по угламъ прикальвали баншы. Весь споль успаляли конфекшами и вареньями, кошорыхъ иногда спавили до сорока шарелокъ; у бѣдныхъ спавили орѣхи, пряники, ягоды. Невѣспу выводили—прежде близкая родственница, а нынче опець или мапъ. Она здоровалась съ прѣзжими женщинами и спановилась на свое мѣшо. Тутъ подходилъ къ ней женихъ и здоровался; попомъ подходили прѣхавше съ нимъ мужчины; попомъ женихъ дарилъ невѣспу, а она жениха; наконецъ онъ бралъ за руку невѣспу, и садилась за споль. Прѣхавше съ женихомъ госни садилась поже за споль: женщины по правую, а мужчины по лѣвую руку; дѣвицы начинали пѣшь пѣсни. Сначала пѣли пѣсно жениху съ невѣспою, попомъ госпямъ по спаршинспву; между пѣмъ подавали вина, кофе, чай, пуншъ. Когда были пропѣшы всѣмъ прѣзжимъ госпямъ пѣсни, шо одна изъ дѣвиць спавила на споль шарелку или подносъ, на кошорый каждый изъ прѣзжихъ госпей клалъ деньги: въ богашыхъ домахъ золопья, серебряныя и ассигнаци, а у бѣдныхъ мѣдныя. Про

сваха пѣли особенную пѣсню, въ копорой его бранили. Посидѣвши часа два, госпня собирались домой; ихъ удерживали. Когда всѣмъ госпнямъ пропѣны пѣсни, по пѣли про невѣспу. Послѣ опѣзда жениха начинали панцовашь; иногда женихъ съ молодыми мужчинами прѣзжалъ панцовашь на другой день. По упру онъ присылалъ невѣспѣ чаю, сахару и конфекшовъ, а вечеромъ являлся со свашомъ и нѣсколькими изъ родспвенниковъ; шупъ назначали день свадьбы. Между пѣмъ женихъ ѣздилъ къ невѣспѣ, дарилъ ее разными вещами, а дѣвицамъ привозилъ конфекшовъ. Когда онъ пѣли пѣсни, по обыкновенно давали имъ деньги. Рѣдко онъ прѣзжалъ одинъ; почпи всегда съ нимъ являлись молодые мужчины. У невѣспы госпили подруги, и шупъ-шо холоспые высмапривали невѣспѣ. Пѣсни пѣли обыкновенно дѣвушки и женщины, копорыя до самага времени свадьбы шили ей приданое и прислуживали. Дѣвицы дѣлили между собою собранныя деньги, и иногда сборъ ихъ проспирался до 200 рублей. Дни за два до свадьбы невѣспѣ съ пѣснями расплепали косу и дѣвицъ дарили баншами изъ леншъ. Въ эшопъ день водили ее въ баню. Наканунъ свашьбы вечеръ назывался дѣвичьимъ вечеромъ или дѣвичникомъ. Прѣзжалъ женихъ съ тысяцкимъ; свахою и боярами. Тысяцкій обыкновенно былъ человекъ жепашый и почешный, близкій; родспвенникъ, или

человѣкъ уважаемый въ семействѣ. *Бояръ* было прое или чешверо; двое изъ нихъ назывались *малые бояре*, или *меньшіе*; эпо по-же, что нынче шаферы. Сваха была близкая родшвенница или коропкая знакомая. Въ дѣвичникъ ояпшь сядились за споль и пѣли пѣсни. Но шупгь садилась уже и невѣспина сваха, копоруо выбирали изъ родныхъ. Въ дѣвичникъ посѣщеніе было не продолжипельно. По опгѣздѣ жениха, невѣспу усаживали за споль вмѣспцѣ съ подругами; дѣвицы пѣли пѣсни. Въ эпо время прѣбзжали двое меньшихъ бояръ и привозили ларець и пуалепгь. Тогда пѣли пѣсно. Боярамъ подносили вина и дарили ихъ, смопря по соспоянїю невѣспы, жилешами, перчашками, шелковыми чулками, или плапками. Ларець или *коробка* пс-же, что въ Парижѣ свадебная корзинка. Тамъ, по соспоянїю жениха, были болѣе или менѣе дорогія вещи; но обыкновенно находились: серьги, першень, перчашки, леншы, бѣлила, румяна, мыло, гребень, булавки, шпильки, помада, духи, вѣрерь, гребенка, цвѣпшы, плапки ручные и одна или двѣ пары чулковъ и башмаковъ, изъ копорыхъ въ каждый клали по собою. Приданое невѣспы обыкновенно опправляли по упру въ день свадьбы. Когда все было гошпово, по обыкновенно присаживались и попомъ молились Богу, благословляли невѣспу образомъ, копорый опсымали съ приданымъ, и оспавляли

шолько шуалешъ и ларчикъ жениховы; ихъ опсылали уже шогда, когда невѣспу везли къ вѣнцу. Съ приданымъ опправлялась женщина, копорая убирала спальню и все приводила въ порядокъ; ее называли *постельница*; у ней были ключи опъ сундуковъ. Съ приданымъ посылали хлѣбъ-соль и сладкій слоеный пирогъ. Убранство въ спальнѣ было слѣдующее: кровать должна быть женихова; на постель надѣвали шелковую наволоку, клали проспыню сверхъ нея, а если была зима, шо тепрое одѣяло; лисье, песцовое, или даже соболье; сверхъ его одѣяло канфовое или канчовое, вышитое въ узоръ; шесць подушекъ съ кисейными наволоками, обшипыми оборкой. Занавѣсъ была вещь шо-жѣ необходимая. У богатыхъ бывали занавѣсы Кипайскіе, шипые или рисованные, канчовые, канфовые, или гарнишуровые; у бѣдныхъ бѣлые или сипцовые. Къ постель принадлежали разные вещи, какъ на примѣръ: шуфли для жениха и башмаки спальныя или ушренніе для невѣспы; шуфли и башмаки бывали вышитые золопомъ и серебромъ по карштъ, или бархатныя вышитые; халапъ для жениха и корошенькая шубочка для невѣспы; родъ нынѣшнихъ кацавеекъ, съ длинными рукавами. Еще непременно нужно было полощенце съ широкими кружевными концами или вышитое; попомъ уборный шполь, проспой деревянный, съ выемкою въ сре-

динъ; но его обпягивали розовой шафшой во-
 кругъ, а сверху шафшы кисеей въ при фалбалы,
 копорья иногда обшивали кружевомъ. На него
 спавили шуалепъ съ зеркаломъ; по концамъ двѣ
 подушки на розовой шафшѣ, кисейныя; сверху
 энихъ подушечекъ клали другія, вышитыя зо-
 лопомъ, и распавляли на сполкъ разныя ко-
 робочки, ящички Кипайскіе лаковые, чепки и
 подушечки душиспыя, разныя рѣзныя коспяныя
 вещицы, духи и всѣ мѣлочи для дамскаго шуале-
 ша. По опправленіи приданаго начинали одѣ-
 вать невѣспу; надѣвая каждую вещь, невѣспа
 креспилась. Когда все было гошово, шо благо-
 словляли невѣспу образомъ, и она прощалась съ
 опцемъ, маперью и подругами; ее сажали за
 споль, вокругъ копорого сажались дѣвицы.
 Споль былъ покрывъ, какъ обыкновенно для
 объденнаго спола, и успавленъ купаньями и
 пирожнымъ; посрединѣ спавили большой хлѣбъ,
 а на него серебряную солонку съ солью. Между
 шѣмъ у ворошъ обыкновенно караулили жени-
 ха, и когда шолько показывался поѣздъ его, шо
 давали знашь; дѣвицы вспавали изъ-за спола, а
 подлѣ невѣспы сажали маленькаго мальчика или
 дѣвочку, *продавать косу*. Женихъ прѣвжалъ съ
 пысяцкимъ, боярами и свахой; впереди шелъ
 богоносъ съ образомъ, обыкновенно небольшой
 мальчикъ, родспвенникъ. Поѣздъ невѣспы со-
 спавляли: сваха, при провожащыя молодья

женщины, шрое мужчинъ и мальчикъ съ образомъ. У невѣспы пысяцкѣй давалъ мальчику, сидѣвшему подлѣ ея, деньги и ссаживалъ его: эпо называлось *купить косу*. Попомъ всѣ садились за споль; посидѣвши не много, когда были пропѣпы всѣмъ пѣсни, вспавали изъ-за спола; опецъ и машь брали руку невѣспы и опдавали жениху, прося въ коропкихъ словахъ любвишь и лелѣяшь ее. Кучеровъ, кошорые были съ жениховыми экипажами, дарили плапками. Помолившись Бѣгу, выходили и ѣхали въ слѣдующемъ порядкѣ: богоносы вмѣспѣ и впереди всѣхъ, за ними пысяцкѣй съ женихомъ, попомъ бояре и сваха. Жениховъ поѣздъ ѣхалъ впереди; за нимъ невѣспа со свахою и провожапыми. У богापыхъ были карепы и коляски; у кого не было, пѣ просили у знакомыхъ. Карепы были въ Иркутскѣ полько у главныхъ чиновниковъ, и всѣ они охопно ссужали ими. На вѣнчаніи иногда въ церкви пѣли пѣвчѣе. Сваха невѣспина распилала *подножье*, кошорое по окончаніи обряда брали дѣячки. Новобрачныхъ вспрѣчали, съ хлѣбомъ и солью, на крыльцѣ опецъ и машь жениха. Если было лѣпо, шо шупъ-же и благословляли образомъ, а зимою эпопѣ обрядъ происходилъ въ комнапѣ. Новобрачныхъ и госпей сажали за споль и подавали чай, пошому чпо женихъ и невѣспа поспились до вѣнца. Пошомъ начинался споль, во время кошораго играла музыка; на дворѣ высца-

вляли кади съ пивомъ и подавали вина. Кучеровъ, прѣхавшихъ съ невѣспинными экипажами, дарили плашками. Меньшіе бояре послѣ вѣнчанія ѣздили къ опцу и мапери, поздравивъ ихъ съ новобрачными.

У богатыхъ опець и машь въ эшопъ день не ѣздили къ свапамъ; у нихъ, по опшускъ невѣспы къ вѣнцу, обѣдали ближніе родспвенники и дѣвицы, а по окончаніи обѣда разѣзжались по домамъ. У новобрачныхъ послѣ обѣда подавали кофе, чай и десертъ; рѣдко панцовали въ эшопъ день. Провожашые уѣзжали домой; оспавалась одна сваха. Тогда пысяцкій и бояре брали образа невѣспы и жениха, зажигали свѣчи и въ сопровожденіи почепныхъ госпей вели новобрачныхъ въ спальню; выпивши за здоровье ихъ, уходили. Почпи во всю эпую ночь въ домъ новобрачныхъ пѣли, плясали и порядочно подпивали. Сваху, одаривши, провожали домой двое меньшихъ бояръ. Тамъ начиналась пакая-же суматоха, какъ и въ домъ новобрачныхъ: пили, плясали, и хоша пишь вообще было въ большомъ зазорѣ, но въ такихъ случаяхъ все разрѣшалось, и кпо не хошѣлъ пишь, пѣхъ обливали виномъ. Поупру молодая дарила свекра, свекровь, пысяцкаго, бояръ, родспвенниковъ и домашнихъ служипелей приличными по соспоянію подарками. Всякій, принявши подарокъ и выпивши вина, ушипался подаркомъ и цѣловалъ молодую. Свекру и свекрови,

сверхъ другихъ подарковъ, молодая дарила понкiя полошняныя рубашки; свекоръ, свекровь и ближнiе родспвенники опдаривали молодую взаимно. Попомъ молодой съ пысяцкимъ и боярами ѣхалъ въ домъ шеспя, кланялся въ ноги шеспю и шещъ и благодарилъ за воспишанiе жены. У нихъ уже накрытъ былъ споль, на копоромъ, между другими кушаньями, было большое блюдо съ понкими молочными блинами, обсыпанными сахаромъ и коринкою. Молодой, положивъ блинъ на шарелку, подносилъ вина, сначала шеспю, копорый выпивалъ рюмку и закусывалъ блинами. Попомъ зяшъ дарилъ его, и шакимъ - же образомъ подчивалъ и дарилъ шещу и всѣхъ родныхъ, и домашнихъ служилей. Наконецъ звалъ шеспя, шещу и всѣхъ родныхъ къ себѣ въ госпи. Въ эпоштъ день бывалъ у него большой споль, а вечеромъ балъ; на другой день ошпъ обѣдъ. Такъ въ домъ новобрачныхъ пировали при дни. По окончанiи веселiй, молодые ѣздили съ визишами ко всѣмъ роднымъ и знакомымъ, копорые были на свадьбѣ. Слущя нѣсколько дней, шеспъ давалъ для молодыхъ и для новыхъ родспвенниковъ два дни сряду пиръ, и пѣмъ кончались всѣ обряды свадьбы. Госпи и всѣ, кшо пировалъ на свадьбѣ, посылали въ домъ молодыхъ и въ домъ невѣспы хлѣбъ-соль, копорая сосшояла изъ большаго хлѣба и солонки съ солью; многiе прибавляли къ этому

Фунтъ чаю, а у недосшапочныхъ людей что нибудь изъ провизіи.

При рожденіи младенцевъ были обряды слѣдующіе: въ то время, когда новорожденного мыли, клали въ воду серебряныя или золопыя деньги, кошорыя брала бабка. Между шѣмъ извѣщали родныхъ, и они прѣзжали навѣщашь родильницу. Каждый поѣспишель или поѣспишельница привозили серебряныя деньги, иногда ассигнаціи, а у бѣдныхъ мѣдныя деньги, кошорыя и клали подъ подушку родильницѣ или ребенку. Въ крестины, по окончаніи духовнаго обряда, былъ обѣдъ, ужинъ или закуска; но во всякомъ случаѣ подавали кашу изъ сарочинскаго пшена, вареную на молокѣ, а въ поспѣ на водѣ. Поспную кашу обыкновенно обсыпали сахаромъ. Сначала подносили вина, а попомъ кашу; и отъ этого естѣ пословица: *я у него на крестинахъ кашу пѣлъ*. На кашу новивальной бабкѣ клали деньги. Если дитя было перворожденное, по часно, подшучивая надъ ошцомъ, спарались пригошовишь ему ложку каши съ солью и съ перцомъ, и говорили, что онъ долженъ раздѣлишь спраданія машери. Колыбели, кошорыя въ Иркутскѣ называютъ *зыбками*, обыкновенно были висячія на ремняхъ; для этого въ пополокѣ ввершывалось кольцо, къ кошорому привѣшивали колыбель. Онъ очень удобны. Родильницу непремѣнно водили въ баню, сначала, если шолько

позволяло сколько нибудь ея здоровье, каждый день, а послѣ черезъ день, говоря: *баыка вторая мать*. Послѣ бани цоили ея *взваромъ* изъ пива, въ кошорый клали изюмъ, черносливъ, инбирь и калганъ, или дѣмали его другимъ образомъ: варили пшено сарочинское съ изюмомъ и черносливомъ въ пиво. Дѣшны никакой не было; спарались какъ можно болѣе кормить родильницу, и Богъ знаетъ какъ все это обходилось безъ дурныхъ послѣдствій. Напропивъ, родильница скоро поправлялась, и мало бывало какихъ нибудь несчастныхъ случаевъ. Въ девятый день *размывали руки*. Этотъ обрядъ естъ во всей Россіи. Въ Сибири происходилъ онъ такимъ образомъ: приносили кружку чистой воды, въ кошорую клали серебряныя деньги, и родильница поливала при раза бабкъ воды на руки, а ша ей обратню. Попомъ дарили бабку; но подарки, даже въ богатыхъ домахъ, были маловажные: рублей 15 и 20 денегъ, нѣсколько фуншовъ хорошаго мыла и аршина при полошна, или холста; иногда къ этому прибавляли фунтъ чаю. Дѣшей рѣдко кормили грудью, а еще рѣже занимали кормилицу. Обыкновенную пищу ребенка соспавляло коровье молоко, кошорымъ кормили, вливая его въ *рожокъ*.

Описывая, какъ умѣю, разные обряды Иркутскихъ жишелей, наконецъ я приспуаю къ пому неизбѣжному въ концѣ жизни обряду, о ко-

поромъ чловѣкъ не можетъ самъ забопипсья, но оспавляецть эшо другимъ; я говорю о похоронахъ, и опишу, какъ онъ оппправляюпсья въ домахъ dospaпочныхъ. Извѣсно, что у бѣдныхъ бываецть шо-же самое, шолько въ маломъ видѣ. По окончаніи религіозныхъ обрядовъ, умершаго кладушь на споль, копорый убираюшь полопномъ или кисеей и черными левшами, спавяпть подсвѣчки, полъ успилаюпть ельникомъ, эшимъ съвернымъ кипарисомъ. Дѣпи и ближніе родспвенники бываюпть попеременно при шѣлѣ усопшаго. Прежде жена и дочери непременно должны были сидѣшь при шѣлѣ усопшаго и причитать со слезами, высчитываая всѣ добрыя качеспва его. Если кто не соблюдалъ эшого, шо говорили, что рады и не жалють о смерти его; надобно было, если нѣшь слезъ, закрыть глаза плапкомъ, положишь голову на споль, гдѣ лежишь покойникъ, и приговаривашь. У дѣвиць, при смерти опца или машери, распускали волосы по плечамъ, завязывая голову чернымъ плапкомъ. Тогда не знали плѣрезовъ и праурныхъ чепчиковъ, и мало кто шилъ праурное плашье изъ фланели: оно обыкновенно дѣлалось изъ черной нелощеной кипайки, самымъ проешнымъ покроемъ. Даже при эпомъ случаѣ видно было гощепрімство Сибираковъ: къ покойному ходили всѣ знакомые, многіе и чужіе: знакомые изъ приличія, а поспороніе посмопръшь, какъ одѣшь,

какою парчою покрытъ, и плачущъ-ли родные; но всякому входящему подавали рюмку вина и чаю. Для того приспавлены были особые люди, и подъ ихъ надзоромъ самовары кипѣли опгъ ушра до вечера. Одинъ изъ вѣрныхъ людей подавалъ милоспыню; рассылали по возможности подаянїя по монаспырямъ, богадѣльнямъ, въ оспрогъ и въ больницы; служили два раза въ день паннихиду. Между пгъмъ пригошворялись къ похоронамъ, кошорыя обыкновенно бывали въ препїй день. Въ Иркутскѣ нгъпъ *готовыхъ гробовъ*, и нгъпъ людей, кошорые-бы дѣлали изъ этого промыселъ; праура не опгускающъ *на прокатъ*, и даже всѣхъ покойниковъ носяптъ на носилкахъ, покрыпыхъ сукномъ или ковромъ. Гробъ заколачивающъ на кладбищѣ. При шеспвїи шуда, впереди идептъ человекъ съ образомъ, цопомъ идущъ священники; иногда приглашающъ архїерея и архимандрипа; цопомъ несутъ крышку, покрыпую покровомъ; за пгъмъ гробъ, обипый бархапомъ, машерїей, или крашенный и покрыпый нарчой, или другой какой машерїей, по соспянїю. Обыкновенно пгъло опгъвающъ въ приходской церкви и цопомъ несутъ на кладбище; гробъ опускающъ въ могилу на холспѣ, кошорый дѣляптъ нищимъ; наконецъ служаптъ паннихиду, раздающъ милоспыню и возвращающъ домой. Въ эшоптъ день бываетъ большой обѣдъ, кошорый называющъ *горячимъ*.

Кромѣ священниковъ и причетниковъ приглашаются на него родспвенники и знакомые; кому угодно изъ поспороннихъ, всякій можетъ придти и объдасть: никому не опказываютъ. По прїездѣ съ могилы, сначала подаютъ чай, потомъ служатъ паннихиду и садятся за споль. Первое блюдо подаютъ *блины*, но не гречневые, кошорыхъ мало и знаютъ въ Сибири, а понкіе молочные; въ поспѣ поспные. Потомъ подаютъ обыкновенныя кушанья и всегда гошуютъ ихъ множесиво. Обѣдъ заключаютъ киселемъ молочнымъ со сливками, а въ поспѣ поспнымъ, съ миндальнымъ молокомъ, или медовою сышою. Когда поспавятъ на споль кисель, по всѣ вспаютъ, поютъ вѣчную память, садятся и кончаютъ обѣдъ. После обѣда, какъ и вездѣ въ Россіи, поютъ липшо и разносятъ напитки. Тутъ подаютъ чай и разъѣзжаются по домамъ. Въ эпошъ день, около вечера, и въ слѣдующіе, родные ѣдятъ на могилу служить паннихиду, и ничшо не удержитъ ихъ: ни дождь, ни морозъ. Бѣдные, кошорые не могутъ эпого сдѣлать, ходятъ по суббопамъ служить паннихиду; эпо продолжается сорокъ дней. Между пшмъ опдаютъ чипашъ годовые псалшири и *сорокоусты*, кормятъ нищихъ, зимою въ комнашахъ, а лѣпомъ во дворѣ, гдѣ распавляютъ сполы и собираютъ челоувкъ до шрехъ сошъ и бѣлье. Споль дѣлаютъ хорошій; щи и похлебки ва-

рясть въ кошлахъ, пекутъ множество пироговъ, блиновъ, жарятъ жаркое, дѣлають кисель и варятъ пиво. Когда сберется много нищихъ, по запирають ворота, чшобъ не было безпорядка; подають имъ по рюмкѣ вина и сажаютъ за споль. Хозяева и домашніе сами угощаютъ госпей. После объда выпускають ихъ по-одиначкѣ и одѣляютъ деньгами. Иногда бываетъ объда при въ день, и чшо оспасешся опгъ нихъ, опвозяштъ въ оспрогъ, чшобъ никакихъ оспашковъ опгъ эшого дня не было. Въ печеніе сорока дней бываетъ поминовеніе. Въ девятый и двадцатый день объдаютъ полько ближніе родшвенники, но въ сороковой бываетъ большой званый объдъ; пошомъ еще чрезъ полгода и годъ. Трауръносяштъ ближніе родные цѣлый годъ.

Церкви въ Иркутскѣ украшены иконами въ серебряныхъ, позлащенныхъ ризахъ, и содержащя въ чисшопѣ и благолѣпіи; многія расписаны; во всѣхъ церквахъ большіе колокола; нѣштъ ни одной, гдѣ - бы не было колокола въ 200 пудовъ, а въ нѣкоторыхъ ештъ пудовъ въ 400 и болѣе. Церкви обыкновенно раздѣляются на верхнюю и нижнюю: внизу шеплая, а верхняя холодная, и всѣ онѣ съ придѣлами. При многихъ церквахъ ештъ богадѣльни, копорыя содержащя подаяніемъ доброхопныхъ. Во многихъ домахъ заведено, когда пекутъ хлѣбы и булки, посылаштъ каж-

дый разъ часпъ въ богадельню. Также, къ большимъ праздникамъ, раздаюпъ бѣлье и плапье бѣднымъ.

Народъ въ Иркутскѣ вообще склоненъ къ разсказамъ. Вечеромъ, не только въ деревняхъ, но и въ городѣ, когда соберушя нѣсколько человекъ, особливо женщинъ, по разсказываютъ о спаромъ-бываломъ, или сказываютъ сказки; но это болѣе дѣшамъ, или въ своемъ семействѣ. Сколько слыжала я разсказовъ о домовомъ! Его называютъ шамъ сусьдко. Бѣда, если онъ кого не взлюбитъ! Также въ мешеорахъ проспой народъ видитъ огненныхъ змѣевъ; *льсные* заводятъ прохожихъ; сусьдко высъкаешъ огонь, прядешъ, и если домашній скопъ придепся по дому, по онъ холипъ его, гладипъ и кормипъ. Спарухи часпо обращаются къ нему съ просьбою; любятъ коровъ. Если онъ не полюбитъ ихъ, по выгребашъ кормъ, и попому, когда худа корова, по говорятъ: *«не по дому пришла, сусьдко не взлюбилъ.»* О змѣѣ огненномъ говорятъ, что онъ носипъ деньги своимъ любимцамъ, но что такое богатство не идепъ въ прокъ и обращешся правомъ. Долго было-бы разсказывать о всѣхъ спаринныхъ причудахъ; но къ чеспи Иркутскихъ жипелей, въ религин у нихъ нѣтъ никакихъ суевѣрій; нѣтъ раскольниковъ между купцами и вообще между народомъ; развѣ еспъ они между прѣзжими изъ Россіи; но и пѣ спараюпся скрываютъ свое невѣжешво. Жипели спрого со-

блудають всѣ духовные обряды, но безъ малѣйшаго суевѣрія. Въ Сибири нѣтъ шакъ называемыхъ кликушъ, и даже шѣ, копорыя прѣзжаютъ изъ Россіи, пораженныя, какъ назвавъ эшо, причудами или болѣзнію, проживши нѣскольکو времени въ Иркутскѣ переспаюгъ кликашъ, безъ всякаго леченія. Между жипшелями Иркутска нѣтъ, или не было, по крайней мѣрѣ, упонченнаго, свѣпскаго обращенія; но легко разгадашь причину эшого. При всей охотѣ перенимать хорошее и учипсья всему изящному, шамъ нѣтъ учипшелей и учипшельницъ панцованья, музыки и пѣнія; нѣтъ пеашпровъ, концерповъ; даже нѣтъ ни одного пансіона или училища для дѣвиць; учашся, какъ кшо можешъ; нѣкопорые дома, другіе у священниковъ. Были при мнѣ дома два, гдѣ по нѣскольку дѣвиць учились, болѣе по знакомству Русской грамошъ и разнымъ рукодѣліямъ. Очень было-бъ пріятно, если-бы Иркутскіе капишались, согласясь между собою, усстроили пансіонъ для воспитанія дѣвиць, шѣмъ болѣе, чшо вообще многія имѣюгъ способноши и склонноспъ къ ученію, и спараюгся недоспапокъ воспитанія вознаградишь чпеніемъ книгъ. Также у нихъ видѣнъ вкусъ въ нарядахъ, гораздо болѣе нежели въ шѣхъ губерніяхъ, копорыя ближе къ сполицамъ. Много еще можно сказашь похвальнаго о шамошнемъ купечеспвѣ. Напримѣръ, въ госпиномъ дворѣ никогда не за-

просятъ съ васъ впрое, не будутъ ворочать
 съ дороги и говоришь, что для *васъ* уступа-
 ютъ; никогда не божащя при продажъ и не
 спарающя продашь и подмънишь гнилой по-
 варъ вмѣсто хорошаго. Отдаленность отъ спо-
 лицъ и недоспашокъ въ воспишаніи кладутъ
 свою печаль; за то въ нравственномъ отноше-
 ніи много естъ похвальнаго въ семействахъ, и да-
 же болѣе привязанности вообще между родны-
 ми. Сеспры, вышедши за мужъ, часно выдающя,
 и рѣдко бывающъ ссоры между родственника-
 ми. Госпепрѣимство въ Иркутскѣ примѣрное;
 благонавіе уважаешя чрезвычайно, и даже въ
 проспомъ народъ женщина дурнаго поведенія не
 найдетъ себѣ мѣста нигдѣ. Пѣспы и дни
 постныя строго соблюдались въ Сибири. Мно-
 гие жили даже сами намагали на себя посты,
 и постылись Кирику и Гулиштѣ, Іоакиму и Ан-
 нѣ, Ильѣ Пророку и Воздвиженію. Наканунѣ Рож-
 десшва, по естъ въ сочельникъ, не ѣли ниче-
 го до звѣзды, и уже вечеромъ пили чай и ужи-
 нали. Дѣвушки берегали отъ этого дни лучин-
 ку, копорою засвѣчали огонь для ворожбы; а въ
 Сибири большія охопницы ворожишь, и множе-
 ство рассказывающъ чудесъ, кому что видѣлось.
 Такъ какъ я хочу описашъ всѣ мнѣ извѣстныя
 обычаи и повѣрья, по опишу и гаданья. Празд-
 никъ Рождесшва, какъ и вездѣ, начинался духов-
 ными обрядами: ходили къ зашрени, къ обѣднѣ;

послѣ обѣдни съ поздравленіями къ спаршимъ. Дочери послѣ обѣда ѣздили съ мужьями и дѣшьями къ родителѣямъ. На другой день дѣлали визиты спаршимъ родспвенникамъ и принимали у себя гостей. Такъ проходили первые три дни; но Свяшки продолжающся до Крещенья. Вечера свяпочные называли *святыми*. Въ первые три дни дѣшья всѣхъ званій ходили *славить Христа*. Это былъ любимый праздникъ для дѣшей, и шѣ изъ нихъ щеголяли, копорые больше выучивали *рацеекъ*. Опславивши Христа, они сказывали *рацейки*, и вспарину обращались къ хозяину и хозяйкѣ. Вотъ образчикъ этого: *Встань, хозяинъ, да покатысь въ подполье, по пир оги, да по шаньги, по мягкій хлѣбъ, да по деньги въ зель*. Еще было обыкновеніе печь изъ ржаной муки ягняшъ и овечекъ, иногда и паспуха; все это давали въ гостинцы дѣшьямъ. Върояшно, это очень древній обычай, и, кажется, въ воспоминаніе того, что паспухи первые привѣспспвовали рожденіе Спасителя. У дѣвочекъ пряпали куклы въ чуланъ, или куда нибудь подальше, также оборачивали куклы внизъ лицомъ, говоря, что грѣхъ играшъ ими въ святые вечера, что *шилликунъ* упацишъ ихъ. Подъ этимъ разумѣли какихъ-шо веселыхъ чершей, копорые подкарауливали все, что кладушъ не благословясь, и все это была ихъ добыча. На другой день начинали ходить съ *вертепомъ*. Я сама воспитан-

ница Сибири, и участвовала во всѣхъ играхъ и забавахъ Иркутскихъ, пому уже около сорока лѣтъ. Жизнь была даже въ лучшихъ домахъ патриархальная. Вершеть — ящикъ о двухъ ярусахъ; въ немъ предспавляли разныя сцены, опносящіяся къ Рождеству Христову, какъ-по: явленіе Ангеловъ, поклоненіе волхвовъ, бѣгство въ Египеть, а въ заключеніе смерть Ирода. Все эшо предспавляли куклами деревянными, одѣтыми въ плашья, приличныя изображаемымъ лицамъ, хопя, правду сказаць, вѣрность костюмовъ была не слишкомъ строго соблюдаема; на примѣръ: дочь Ирода, извѣстная по преданію за славную шанцовщицу, плясала Русскую пляску съ распудреннымъ кавалеромъ и являлась одѣшою по послѣдней модѣ. По намъ дѣшьямъ какое было дѣло до эшого? Было весело, и казалось довольно, что все опносилось къ духовному. Въ верхнемъ ярусѣ вершепа предспавляли смерть Ирода, а въ нижнемъ пляски. Тутъ были и свои арлекины: прапезникъ и дьячекъ. Дьячекъ зажигалъ свѣчи, кошорыми освѣщался вершеть; прапезникъ гасилъ ихъ, и оба просили съ разными прибаушками денегъ. У прапезника былъ за плечами кузовъ, въ кошорый клали деньги, а у дьячка шарелка; и все эшо доспавляло дѣшьямъ несказанное удовольствіе. Обыкновенно съ вершенемъ ходили мальчики; одинъ изъ нихъ, кошорый былъ всѣхъ распоронѣе, дѣмался ди-

рижёромъ. Иногда бывалъ у нихъ скрыпачъ, и они гордились эшимъ. Въ Иркутскѣ были двое слѣпыхъ, копорые играли на скрыпкѣ и уптѣшали не одно поколѣнiе. Они-по обыкновенно ходили съ вершепомъ. Эпи лица не умерли: ихъ помѣспилъ Г. Калашниковъ въ одномъ своемъ романѣ. Вечеромъ, когда бывало смеркнепся и закروعъ спавнями окна, спучались подъ окномъ, и на вопросъ: кто шамъ? ошвѣчали: не угодно-ли съ вершепомъ? Тупъ обыкновенно двѣши приспунали съ просьбами пуспипъ вершепъ. Никакая лучшая пiеса, разыгранная на театрѣ, не доспавляешъ шеперь шакого удовольспвiя, какое доспавлялъ намъ вершепъ. Блаженное время дѣпшва!... Еще было вспарину обыкновенiе, копорого я уже не помню: ходили съ конькомъ. Одинъ предспавлялъ сидящаго на лошади рыцаря, а двое другiе даму и кавалера; ходили поже вечеромъ по домамъ, и куда входили въ домъ, шо пѣли и плясали.

Описавши дѣпскiя на свiяпкахъ увеселенiя, приспунаю къ описанiю забавъ юношескихъ лѣптъ. Всѣ игры и гаданья ошносiяпся болѣе къ дѣвицамъ; но и молодые мужчины въ нихъ учаспвовали. Назначивши вечеръ, подруги собирались въ одинъ домъ, поиграпъ и погадапъ. Всегда начинали подблюдными пѣспнями; но эшо дѣлалось особеннымъ образомъ. Собирали кольца, перспни, запонки, сережки; клали ихъ въ блюдо

и накрывали салфепкою; нарѣзывали маленькіе кусочки хлѣба и клали сверхъ салфепки. Сначала пѣли пѣсню хлѣбу и соли и брали кусочки; ложась спать, клали ихъ подъ головы, загадывая, что приснится. Попомъ пѣли пѣсни; по окончаніи каждой изъ нихъ, прясли блюдо, и одинъ ловилъ, что попадалось, по одной вещицѣ. Обыкновенно болѣе спарались класпъ пакія вещи, гдѣ въ оправѣ камня; тогда загадывали: за что яли какъ вынешся? за камешекъ или за колечко? Всѣ вещи клали вмѣстѣ, и послѣ присуждали, что дѣлать за выкупъ? Последнему, когда осматывалась одна вещица, пѣли свадебную пѣсню: *дорогая моя гостейка*, и кольцо капили по полу, загадывая, въ копорую спорону покашипся оно: если дѣвухкѣ покашипся къ дверямъ — къ замужшву, мужчинѣ — къ дорогѣ. Послѣ пѣсенъ хоронили золопо. Эпа игра всѣмъ извѣспна и, кажешся, одна изъ самыхъ спаривныхъ. Попомъ играли *именами*, въ *Корол*, въ *курулку*, и въ *жмурки*, копорыя въ Иркутскѣ называющъ *имъльцы*. Я опишу всѣ эти игры по порядку.

Игра въ имена. Всѣ садились. Одного по жеребью сажали на спуль посреди комнашы, другой давалъ имена всѣмъ, какія вздумаешся, смопря по особѣ; напримѣръ, мужчинѣ имена: соколъ, соловей, коршунъ, чершополохъ, василекъ, макъ; дѣвицѣ: ласпочка, малиновка, гвоздика. Имена сказывали каждому пошихоньку, чтообъ не слы-

халъ пошъ, кшо сидишъ на спулъ. Тупъ ему закрывали глаза плашкомъ и кликали одного по имени. Онъ долженъ былъ подойти, легонько ударить сидящаго на спулъ и пошчасъ съспъ на свое мѣсто. Прочіе всъ въ это время понали ногами, приговаривая: *былъ, да ушелъ, спрятался, запечатался*. Тогда опкрывали глаза сидящему на спулъ, и онъ долженъ былъ угадать, кшо его ударилъ; если угадывалъ, по ударившій смѣнялъ его, а пошъ, кошорый сидѣлъ на спулъ, давалъ имена; въ прошивномъ случаѣ перемѣняли имя только шому, кшо былъ вызванъ.

Игра въ Короли. Начинаясь шакъ: всъ, участвующіе въ игрѣ, клали правую руку на сполъ, одинъ за другимъ; чья рука была внизу, пошъ вынималъ ее, а за нимъ и другіе; девятымъ былъ *Король*. Тогда каждый подходилъ къ нему и говорилъ: *Король, я твоя (или твой) слуга, что прикажешь дѣлать?* Службы были разныя и смѣшныя; напримѣръ, какойнибудь хорошенькой дѣвушкѣ *Король* приказывалъ спашъ въ уголь, и при рза громко сказать: *я хороша, я пригожа, за мужъ иду за такого-то*, и обыкновенно выбирали какогонибудь безобразнаго спарика; на опговорки не смопрѣли, шакъ чшо иногда дѣвушкѣ было не до смѣха; но должно было выполняшъ королевскую волю. Иному приказывалъ *Король* спѣшъ пѣсню, другому поплясашъ, иному прошшъ пѣшухомъ, скакашъ на одной ногѣ, про-

давашь калачи, возишь сѣно. Еще была служба: спашь въ уголь и говоришь: *Горю, горю на камешкѣ; кто меня любитъ, тотъ поцѣлуетъ.* Тогда кпо нибудь подбѣгалъ, цѣловалъ и горѣлъ въ свою очередь. Я могла-бы наскучишь, описывая разныя службы.

Иногда играли въ *курилку*. Садилась всѣ въ кружекъ, зажигали лучинку, и попушивши, передавали ее одинъ другому, приговаривая: *Жилъ, былъ курилка, ножки тоненьки, душа коротенька; не умри, курилка, не оставь печали, не стаеъ плясати.* Всякій спарался скорѣе сбывъ съ рукъ курилку, приговаривая: *живъ.* У кого погасала лучинка, съ того брали *фантъ*.

Игры обыкновенно заключались *жмурками*. Эта игра извѣстна всѣмъ. По жеребью завязывали кому нибудь глаза плапкомъ и спрого испытывали, не видипть-ли онъ. Помомъ приводили его къ дверямъ и спрашивали: *Гдѣ стоишь?* Завязанный отвѣчалъ: *У дверей.* — *Что продаешь?*—*Квасъ, да ягоды.* — *Ищи насъ двадцать два года.* Тупъ всѣ разсыпались, какъ дождь. Всякій спарался ударишь жгушомъ бѣдняжку, но и попъ хиприлъ; иногда оспанавливался по среднѣ комнашы, прислушивался, гдѣ его неприятели и бросался врасплохъ. Законами игры не позволено было уходишь въ другую комнашу; кпо покушался на это, шому всѣ кричали: *погорѣлъ, погорѣлъ!* и завязывали глаза.

Наигравшись, нѣкопорые разбѣзжались по домамъ; а многія дѣвицы оспавались ночевашъ у подругъ. Тогда-шо, подѣ предводипельспвомъ опышныхъ, приспунали къ шайнамъ—угадывашъ будущее. Гадали о суженомъ, о помѣ, весело-ли проживушъ слѣдующій годъ; лили олово, воскъ, и по вылипымъ фигурамъ разгадывали свою учаспъ. Около полуночи выходили во дворъ *полоть снѣгъ*. Взявши немного снѣгу въ фаршукъ, качали его, приговаривая: *полю, полю бѣль снѣгъ; гдѣ собака залаять, тамъ мой суженой*, и прислушивались. Гдѣ залаяла собака, шамъ бышъ ошданной за мужъ. Толспый и хриплый лай означалъ спарика, звонкій и понкій молодого. Иногда дѣлали ушочекъ изъ воску и опускали ихъ на шарелку съ водою; если ушочки плавали вмѣспѣ, шо эшо означало согласіе, а врознь — недружбу; наливали въ блюдце воды, и зажегши небольшой клочекъ хлопковъ, клали его въ спаканъ, копорый пошчасъ опрокидывали на блюдце. Если много набиралось воды въ спаканъ, шо эшо означало, что мужъ будешъ любипъ вышпш, а если мало, шо онъ будешъ человекъ презвый. Еще ворожили шакимъ образомъ: бросали бапмакъ за вороша; куда упадешъ онъ, шуда бышъ ошданной за мужъ. Или выходили за вороша и спрашивали у перваго прохожаго: какъ зовушъ? И какое скажешъ онъ имя, шакъ будушъ звашъ

жениха. Многія слушали подъ окнами и по рѣчамъ судили, чему бытъ; выпускали на средину комнашы курицу съ пѣшухомъ и замѣчали, сердитѣ-ли будетъ мужъ? Если пѣшухъ гордо расхаживаль, клеваль курицу, шо значить, что сердитый мужъ будетъ; но иногда и курица храбрилась. Иногда двѣ дѣвицы брали цѣлый ржаной хлѣбъ на пальцы и загадывали, въ копорую спорону будетъ вершѣться? Если по солнцу, шо сбудетъ загаданое, а прошивъ солнца, шо нѣтъ. Точно шакже ворожили сипомъ; но всѣ эти гаданья были мѣлочныя. Такъ ворожили дѣвушки разнаго возраста: большія и маленькія. Главныя, важныя гаданья были: сморѣшь въ зеркало въ полночь, когда всѣ лягушь спать, или набирашь два прибора на Васильевъ вечеръ, или на Крещенье, и въ сочельникъ ходишь слушашъ къ веревъ, къ анбару, къ проруби, на перекрестокъ, и все эшо въ полночь. Я сама нарочно испытывала многое; но мнѣ никогда и ничего не чудилось; напрошивъ ошъ другихъ я слыхала чудеса, и онѣ божились, что эшо шочно было. Глядѣнье ночью въ зеркало дѣлалось шакъ: дѣвица, копорая хотѣла гадать и надѣялась на свою бодрость, садилась одна, а если немножко прусила, шо, неизмѣнная своей природѣ Еввина внучка, копорой хочешся знашь, хорошъ-ли, молодъ-ли будетъ суженой, сажала няню или какую нибудь Сивиллу

въ смежной комнатѣ, и спавила два зеркала одно пропивъ другаго. Передъ однимъ она сидѣла сама и спавила на споль двѣ свѣчи, а другое зеркало спавила сзади, очерпивъ лучинкой (копорою былъ зажженъ огонь въ сочельникъ) и глядѣла въ него приспально. Сначала зеркало подергивалось туманомъ; попомъ мало по малу прояснялось, и суженый глядѣль черезъ плечо дѣвицы. Тогда надобно было зачураться: *«чуръ, меня, полно!»* и опнюдь не оглядывашься, а шо могло бышь худо. Конечно все это одно воображеніе, но многимъ споило жизни или пѣжкой болѣзни. Вошь что рассказывала мнѣ одна очень умная и безъ всякихъ предразсудковъ дѣвушка. Вздумала она сморѣшь въ зеркало ночью. Домъ, гдѣ жила она, былъ большой, каменный въ два эшажа. Взявши съ собой дѣвушку, она велѣла ей лечь спать въ ближней комнатѣ, а сама съѣла передъ зеркаломъ. Была полночь. Она сидишь, какъ свѣплана, ждешь появленія суженаго; всѣ въ домъ спяшь и вороша запершы; внизу у дверей былъ колокольчикъ. Вдругъ колокольчикъ зазвенѣлъ, и она слышишь, что кто-шо идешь пѣжелыми спопами по лѣспницѣ; спукъ шаговъ приближается; но она, дрожа отъ ужаса, не разсудила дожидашься суженаго, копорый, вмѣсто того чпобъ показашься въ зеркаль, вздумалъ самъ пожаловать и лицомъ къ лицу бесѣдовать съ нею; она бросилась въ комнату, гдѣ спала ея

подруга, зачуралась, но была послѣ этого больна. Домашніе утверждали, что все спали въ полночь и никто ничего не слышалъ. Попомучу рѣдко кто рѣшается на эту ворожбу, хотя она, какъ говорятъ, самая *вѣрная*. Также рѣдко зовутъ ужинать своего суженаго. Для этого спавяптъ два прибора, хлѣбъ, соль, ложки, и около полуночи дѣвушка садится за столъ, очерчивается и говоритъ: *Суженый, ряженный, приходи ко мнѣ ужинать*; лишь только пробьетъ полночь, являясь женихъ въ шомъ нарядѣ, въ какомъ будетъ на сговорѣ, и садится за столъ. На всякій случай берутъ съ собою пѣпуха, для того, что когда не поможетъ зачуранье и господъ засидится, то надобно давнучъ хорошенько пѣпуха; онъ запоетъ и все исчезнетъ. А вотъ ходишь на прорубь, такъ спрахъ и ужасъ! Однажды при дѣвучки сговорились идти гадать на прорубь, взяли бычью кожу, очерпились и съли, какъ надобно. Вдругъ слышатъ, кожу кто-то шациптъ въ воду, больше и больше; онъ: *чуръ того! полно!* Напрасно! Онъ бѣжалъ домой, но за ними шакже бѣгутъ и кричатъ: *копылиха, стой!* *обварила, стой!* *барыня, стой!* Онъ, шворя молитву, насилу добѣжали, да скорѣй и вороша на запоръ. Но что-же вышло? Одна изъ нихъ обварилась кипяпкомъ и умерла, другая упала и зашиблась объ копыльа саней, а шрешья вышла за мужъ за дворянина,

и все это въ одинъ годъ. Да мнѣ не уписашь-бы на нѣсколькихъ листахъ чудесъ, которыя я слыжала. Какъ начнушь, бывало, опышныя люди рассказывають про спарину, по у насъ волосы на головѣ дыбомъ спановяшся; но поворожишь хочешся, и прусихи выбираютъ, что не такъ спрашно: пойдушь къ верезъ, очерпяшся, и не одна, а двѣ, при дѣвушки, только загадывають поодиначкѣ: богато-ли жишь и выйдущъ-ли въ этошь годъ за мужъ. Если копорой выйдши, по ей запоють пѣсни свадебныя, а къ богатству начнушь деньги считаешь, а кому учаешь не такъ весела, по плачушь; но шущъ спдишь только зачураешь, и все кончено. Еще ходяшь на перекрестокъ, на улицу, сядушь, накроюшся скапершью; одна загадаешъ и кому выйдши въ пошь годъ за мужъ, по и поѣдетъ съ копорой нибудь спороны поѣздъ: и свищущъ и гаркають. Но съ окончаніемъ сваяпокъ конецъ всѣмъ ворожбамъ; спарые люди поспяшся, да Богу моляшся, а молодые свое смѣкають. Наканувъ сочельника спускають гребень за окошко, и какіе волосы на гребнѣ, такіе будутъ и у суженаго; обсъваются золой и по упру спопрягъ, какая обувь у жениха; наливають въ ложки воду и выспавляють ее на морозъ. Такъ ворожашъ и спарухи: если бугорокъ, по еще проживушь годъ, а ямка значить смершь. Въ самый сочельникъ, добрыя люди пойдушь на воду, а грѣхо-

водницы-дѣвушки напекутъ сочней, по естъ спонкихъ лепешекъ изъ прѣснаго пѣвса, выйдутъ за вороша и смопряшъ, кшо первый идетъ или ѣдетъ, и знаютъ уже, чшо шакого званія будедтъ женихъ. Вечеромъ въ Крещенскій сочельникъ вездѣ окропляютъ свяшой водой, спавяшъ кресны мѣломъ на окнахъ и дверяхъ, и пѣтъ все оканчивается.

Таковы свяшочныя забавы дѣвушекъ въ Сибири. Все эшо принесено изъ Россіи; заѣзжіе Русскіе жишели сохранили свои обычаи, повѣрья, обряды, и они поддерживались въ сабойшней проспошъ, шакъ чшо многихъ коренныхъ Русскихъ обычаевъ не лзя вспрѣшпшъ нигдѣ, кромѣ Сибири и особенно Иркутска. Теперъ и памъ спыдяшся спарины, и шамъ все быспро измѣняется. Я не хочу хвалишъ спарыхъ обычаевъ и суевѣрій, но, кажешся, всѣ они доказывають проспошу нравовъ. Желаетъ ошъ чисшаго сердца, чшобъ всѣ эши пуспяки замѣнились испиннымъ просвѣщеніемъ, а не моднымъ обезьянствомъ, кошорое ни въ какомъ случаѣ не ведетъ къ добру. Когда жили въ проспошъ сердца и сообразно своему климату, шо не знали многихъ болѣзней. Нынѣ (конечно не всѣ) спыдяшся заняпій хозяйствомъ, болясь прослышъ кухарками и просполюдинками; но въ Швейцаріи, Голландіи женщины просвѣщеніе чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, и

между пѣмъ свяпо выполняющъ всѣ домашнія обязанности. Слова мои болѣе опносятся къ непросвѣщенному классу; въ высшемъ, просвѣщенномъ кругу, у насъ многія мапери сами воспитываютъ дѣтей и распоряжаются домашнимъ услройспвомъ. Дай Богъ, чшобъ это было приѣромъ для всѣхъ другихъ. Но я опспушила опъ своей маперіи.

Послѣ Свяпокъ игры ушпхаютъ, начинающа свадѣбъ; послѣ этого дожпдаются Масляницъ; погда свои сѣверныя забавы: кашанья по улицамъ, кашальныя горы. Бѣгъ успроивается въ Иркутскѣ сначала зимы на успь Ушаковки, а послѣ на Ангарѣ. Онъ блеспштъ, какъ зеркало, и бываетъ обспавленъ ёлками. Тупъ по Воскресеньямъ и въ праздники, а особливо на Масляницѣ выѣзжаютъ охопники въ маленькихъ санкахъ, на рысакахъ и иноходцахъ. Горы бываютъ часпо въ двухъ мѣспяхъ: на Ангарѣ и на Ушаковкѣ. Съ Чепверга начинаются гулянья. Къ Масляницѣ варятъ пиво и дѣлаютъ *хворосты*; сполы накрышы скашершями и успавлены конфекшями, вареньями. Хворосты (родъ ппрожнаго), какъ принадлежность масляницы, видны вездѣ; самоваръ всегда гошовъ. Родные ѣздятъ другъ къ другу, и между пѣмъ не забываютъ кашаться. Во многпхъ домахъ дѣлаютъ ледяныя кашальныя горы, съ кошорыхъ кашаются на

кожахъ, на лубкахъ, на санкахъ и даже на льдинахъ. Вопть чпо еще иногда бывало на Масляницѣ, для забавы народа: начальники города приказывали сплошиць вмѣспѣ нѣсколько огромныхъ саней и успроивали на нихъ корабль со снаспями, парусами. Тупть сажились и люди, и медвѣдь, и *Госпожа Масляница*, и разные паяцы; все эпо вообще называли *Масляницею*. Въ нее впрягали лошадей двадцать и возили ее по улицамъ; позади обыкновенно слѣдовали полпы мальчишекъ и гулякъ; они провожали ее пѣснями и разными прибаутками. Къ чеспи Иркутскихъ жипелей надобно сказаць, чпо они очень набожны; не шолько пожилые люди, но и молодые всю Масляницу ходяць въ церковь. *Въ прощальный день* ѣздяць на кладбище, служаць паннихиды и поклоняюся праху родныхъ; пошомъ весь эпоць день посвящаюць прощальнымъ визитамъ, къ родищелямъ и спаршимъ родспвенникамъ. Вечеромъ шопть-же обрядъ повпоряешся дома; служители прощаюся съ хозяевами, дѣши съ родищелями. Прежде былъ въ Иркутскѣ обычай (въ нѣкопорыхъ мѣспахъ Россіи онъ сущеспвуець и донинѣ) приносишь пряники въ прощальный вечеръ. На другой день начинаешся постъ первый: Понедѣльникъ называюць *чистымъ*, пошому чпо въ эпоць день перемываюць всю посуду, ходяць сами въ баню, и многіе начинаюць говѣшь. Хозяйки въ

Иркушскѣ, по крайней мѣрѣ были прежде, пресушливыя созданья: на первыхъ дняхъ поспа пекутъ обварные крендели, сдобные калачи и пряники разныхъ соршовъ. Многіе, особенно люди пожилые, не ѣдятъ даже рыбы во весь поспгъ; прочіе соблюдаютъ это только въ первую, четвертую и спрашную недѣли. Кому есть время, шѣ ходятъ въ церковь; но во всѣхъ домахъ кипитъ дѣятельность: богатые шьютъ для своего семейства обновки, а бѣдные шьются для богатыхъ; это вездѣ ведется, но въ Иркутскѣ замѣнить, попому что тамъ нѣтъ магазиновъ и даже не много швей или масшерицъ, а болѣе сами гошвятъ свои наряды и даже шьютъ бѣлье; ошдаютъ шить только то, чего сами не могутъ сдѣлать. Хотя Пасха случается и въ Маршѣ, но почти всегда въ это время сходитъ снѣгъ и бываетъ сухо. Къ святой недѣлѣ дѣлаютъ во многихъ домахъ качели, и гдѣ большое семейство и дѣвушки, то есть еще увеселеніе, котораго прелести я не понимаю. Покупаютъ длинную и широкую доску, гладко выпроганную, подмащиваютъ ее по срединѣ четверти на при, и одинъ садится на средину: это называютъ *сидѣть на кашкѣ*; двое спановятся по концамъ, подпрыгиваютъ поочередно и дѣлаютъ разныя фигуры. Топъ считается искуснымъ, кто выше прыгаетъ; но это довольно опасно: многіе падаютъ и ушиб-

баюшя. Въ Великій Чешвершокъ спараюшя вспашь до солнца и умьпшья свѣжею водою съ серебра, чпобъ бышь здоровыми цѣльй годъ. Еспь преданіе, чпо въ эпошь день воронъ до свѣша купаешь своихъ дѣшей; но эпо не обыкновенный воронъ или воронѣ, а вѣщій воронъ, и живешь онъ въ непроходимыхъ лѣсахъ. Говоряшъ, чпо у него въ гнѣздѣ и золоно, и серебро, и дорогіе каменья. Еше еспь въ Сибири, шакъ-же какъ и въ другихъ мѣстахъ, обычай, завязавши въ узелъ соли на Чешвергъ, клаешь ее въ печь: эпо называешя *четверговою солюю*. Ее сохраняюшъ, какъ лекарспво опъ дурнаго глаза, и поашь ею коровъ и шеляшъ, когда они больны. Къ празднику Воскресенія Хриспова пригошьяюшя, богашый какъ хочешъ, а бѣдный какъ сможешъ; но во всякомъ домѣ пекушъ куличи, красяшъ яйца, дѣлаюшъ сыры. Изъ доспашочныхъ домовъ посылаюшъ разной провизіи въ оспрогъ, въ богадѣлни, Свяшюю недѣлю, шакъ-же, какъ и другіе шоржеспвенные дни, проводяшъ въ кругу родныхъ и знакомыхъ. Изъ всѣхъ увеселеній, извѣспныхъ въ споллицахъ, на Свяшюй недѣль шолько качели спавяшъ на площади. Тупъ бываюшъ качели круглыя, большія, съ сидѣлками, и коньки; народъ качаешя, ѣздишъ, другіе шотряшъ; но шѣмъ и кончипся праздникъ. Въ Иркутскѣ нѣпъ шеапра, и за опдаленноспію не пріѣзжаюшъ никогда волшижеръ,

балансёры и разные искусники съ диковинками. Имена Финарди, Раппо, Кіарини извъспны полько изъ газетъ. Тѣмъ болѣе никогда не видали шамъ испинныхъ арписшовъ. Во всѣ двадцать пять лѣтъ, копорыя прожила я въ Иркутскѣ, прѣзжала шуда полько. шруппа Ипальянцевъ съ учеными собаками. Правда, эшо берегаешъ карманы, но многіе вздыхаюшъ объ увеселеніяхъ шполицы. Во Шпорникъ на Оминой недѣль бываешъ поминовеніе по усопшихъ, и весь народъ гуляешъ шогда на кладбищѣ. Въ день Преполовенія, по окончаніи службы, ходяшъ изъ собора съ иконами кругомъ города; спеченіе народа бываешъ большое. Также въ Маѣ мѣсяцъ носяшъ образъ Казанской Божіей Матери, со крещами и хоругвями изъ собора въ разныя села: Куду, Оёкъ, Урикъ, иногда даже въ упраздненный городъ Балаганскъ. Въ день Вознесенія многіе ходяшъ и ѣздяшъ въ Вознесенскій монастырь, гдѣ, по опслушаніи литургіи, цѣлый день гуляюшъ. Когда Пасха была поздняя, шо въ эшошъ день уже ешъ цвѣшны, и весело смопрѣшъ, какъ около вечера безпреспанно переѣзжаюшъ чрезъ Ангару *карбазы*, наполненные народомъ, и у всякаго въ рукахъ шрофеи весны—букешы цвѣшовъ. Въ день Троицы и Духовъ день шоже многіе ѣздяшъ и ходяшъ гуляшъ за городъ. Мало завиваюшъ березку, и даже между проспнымъ народомъ эшого обычая нѣшъ. Всѣ жштели Иркутш-

ска, ошъ богатаго до бѣднаго, любящъ гуляшъ за городомъ. Любимое гулянье проспанаго народа около Ушаковки, пошому чшо эшо мѣсно всѣхъ ближе къ городу. Если у кого нѣшть лошади, шо все семейство, иногда и не одно, собирающъ въ Воскресенье или какой праздникъ гуляшъ на Ушаковку, пишъ чай и купающъ. Всю ношу раздѣляющъ по часпямъ: одинъ несетъ самоваръ, другой чашки, прешій булки, калачи, пироги, ведущъ и несущъ дѣшей, пошому чшо почши всѣ выбирающъ изъ дома, кошорый заширающъ, попросивши сосѣдей посмопрѣшъ, или осшавляющъ какую нибудь шаруху, говоря по-Сибирски: *домовничать*. Прежде на Ушаковку ѣздили гуляшъ многія хорошія фамиліи; но когда городъ распроспранился, шо эшо сдѣлалось народнымъ гуляньемъ. Многіе ѣздяшъ шуда-же, но подалеше, купающъ, пошому чшо вода въ Ушаковкѣ довольно шепла и, говоряшъ, здорова. На одномъ берегу Ушаковки, по дорогѣ къ деревнѣ Пивоварихъ, были прежде дома кое-гдѣ, но шеперь, говоряшъ, многіе шамъ поселились. Вершпахъ въ прехъ ошъ города, по шой-же дорогѣ, ешъ архіерейскій загородный домъ и при немъ большой огородъ, съ разными овощами для семинаристшвъ. На другомъ берегу построено Адмиралпейство съ разными принадлежащими къ нему шпроеніями; ближе къ городу мѣльница мукомольная и при ней мѣльница пыльная. Де-

ревни Большая и Малая Разводныя находящяся на берегу Ангары: первая въ девяти, а вторая въ семи верстахъ отъ города; далье по шому же берегу деревни Щукина и Крыжановщина. Около эсихъ мѣстъ, начиная отъ Большой Разводной, естъ много острововъ, покрытыхъ лѣсомъ и кустарникомъ; шущъ рощица множество голубицы, и пошому лѣшомъ многіе изъ городскихъ жищелей ходящъ шуда за ягодами. Собирающяся обыкновенно *артелями*, съ шѣмъ, чшобы ночевать одну или двѣ ночи, называя эпо: *идти на ночеву за ягодами или за грибами*. Назадъ приплывающъ на лодкахъ съ большимъ запасомъ ягодъ. Мѣста, гдѣ были прежде винокурные заводы, называющъ въ Иркутскѣ *Каштакъ*; ихъ при: ближній, средній и дальній. Я опишу послѣдній. Туда ѣздящъ иногда гулящъ; но въ концѣ Юля и въ Августѣ больше ѣздящъ, даже изъ богатыхъ домовъ, за грибами и особенно за рыжиками. Впрочемъ, эпо шолько предложъ для гулянья. Да и въ самомъ дѣлѣ, мѣсто прелестное! Ключъ бѣешъ изъ горы и вода въ немъ превосходная; внизу долина, по которой ключъ образуешъ ручей; кругомъ холмы, покрытые лѣсомъ. Вообще окрестности Иркутска прелестны, какъ сельская красавица; одна природа все украшаетъ, но какова эша природа! Мѣстами дремучіе лѣса, гдѣ вѣковыя деревья свалились отъ бури или грома, и лежавши

исплѣли пакъ, что прикоснись, и они разсыпаются прахомъ. Въ глубокихъ оврагахъ ключъ не рѣдко образуетъ ручей, опушенный зеленымъ мохомъ. Въ узкой шлопинкѣ: она ведетъ васъ въ густой лѣсъ, гдѣ коренья деревьевъ высунулись изъ земли и, кажешся, свидѣшельствуютъ о своей древности. При малѣйшемъ въперкѣ въ лѣсу опдаешся какой-то гуль; кажешся, что это древнѣ священные лѣса, жилища Друидовъ. При всемъ моемъ неискуствѣ описывашъ, я не могу воздержашся, чтобъ не описашъ нѣкоторыхъ извѣстныхъ мнѣ окрестностей Иркутска.

Ситниковская заимка. Заимками называютъ въ Иркутскѣ дачи. Она была построена купцомъ Ситниковымъ, послѣ смерти копорого жена его пожертвовала ее въ казну. Эта заимка верстахъ въ двадцати отъ города. Тутъ шеперь и селеніе дворовъ изъ десяти. Оно на горѣ, при подошвѣ копорой построены домъ, со всеми принадлежностями; передъ нимъ большой прудъ, гдѣ построена мельница; кругомъ рисующя горы, покрытыя лѣсомъ и кустарниками. Тутъ много голубицы, дикаго розмарину и багульнику.

Волчья падь, верстахъ въ 20 отъ Иркутска. Туда възашъ за грузями, копорыхъ въ иные годы родился тамъ множество; шакже много голубицы. Волчья падь—узкая долина, и къ концу сходящя клиномъ. Кругомъ ея горы, а въ долину бѣжитъ

узкая, но глубокая рѣчка, обросшая шпроспникомъ, и спруишься много прекрасныхъ ключей. Прежде были шупгъ два зимовья, въ кошорыхъ жилъ угольщикъ, спарикъ Ельшинъ. Носился слухъ, что мѣсно эшо не совсѣмъ чисто. Лѣсной или лѣшій (его называютъ въ Иркутскѣ *лѣшакъ*) любилъ шупгъ иногда подшучивашъ. Знакомые приходили къ угольщику ночевашъ и брашъ ягоды. Однажды набралось къ нему довольно дѣвиць и молодежи. Вечеромъ онъ расшупились во дворѣ, начали пѣшь пѣсни, хлопашъ въ ладоши. Спарикъ сердился, унимашъ ихъ, говоритъ: «Полноше, не накличыте себѣ бѣды!» И вопгъ онъ слышашъ хохопгъ, хлопанье въ ладоши, и все эшо ближе, ближе. «Вопгъ, не говорилъ-ли я вамъ? раздразили *хозяина!*» Вся молодежь шворитъ молишвы, убираешся въ зимовье, и вопгъ, мало по малу, шумъ ушихаетъ и удаляешся. Но все эшо можно объяснишь самымъ просшымъ образомъ: ешъ пакія мѣсна, гдѣ всякій звукъ пошпоряешся много разъ.

Шивовариха, деревня въ 9 верспахъ опгъ Иркутска. Она лежитъ въ пакомъ мѣспѣ, что кругомъ нѣтъ близко селеній; опшвсюду непроходимые лѣса; мѣспами ешъ болопа, но ешъ и долины съ свѣшлыми источниками. Никогда не забуду я одного прелеспнаго мѣспоположенія: долина вершпы на двѣ, и кругомъ шочно

искусная рука обсадила ее кучами деревьевъ. Все эпо проспрансво покрыпо голубицею. Жипели Пивоварихи мало сьюпшъ хлѣба; они жгупшъ уголья и занимающъ ловлею дичины и зайцевъ, спрѣляющъ бѣлокъ и дикихъ козъ; женщины прядушъ *мотоузъ*.

Въ Сибири всѣ деревни обнесены огорожей, копорую называющъ *поскотиной*; нигдѣ нѣшт соломенныхъ кровель и земляныхъ половъ; лѣсу шакое множеспво, чшо почипающъ нужнымъ вырубашъ его. Верспшъ за 15 опшъ города пакой лѣсшъ, чшо годипся на спроеиѣ; его позволено рубипшъ всякому. Видѣ изъ города черезъ Анггару, по берегу Иркутша, очень красивъ; шупшъ видны, при подошвѣ горъ, покрыпыхъ лѣсомъ, деревни Медвѣдева, Глазкова, Кузьмиха, Жилкина. Въ Жилкиной ешъ архіерейскій домъ, гдѣ лѣшомъ и живешъ Иркутскій Епископъ. Прошивъ города, за горою, рѣчка *Кая*; мѣстоположеніе прекрасное, особливо весной, когда цвѣшешъ черемуха, копорой шупшъ множеспво.

Осень во всей Сибири ешъ время проспонародныхъ вечеринокъ, копорыя шамъ называющъ *вечорками*. Поводомъ къ нимъ служипшъ рублене капусты, чшо и называющъ *капусткой*. Когда капуста срублена, привезена и посуда для нея гошова, шпо назначали день рубипшъ капусту. Съ вечера ходили къ сосѣдямъ просипшъ съчекъ и

къ знакомымъ звать на капустку. По ушпру обыкновенно собирались спарухи обсъкашь капусту; она дѣлилась на разные соршье: бѣлую, сѣрую (копорую шамъ квасяшь, пересыпая ржаной мукой, и называющъ *кислы*), пласпинную (копорую пригопояляющъ для поста и дней постныхъ, оспавляя шакже кочаны на свѣжую) и шинкованную. Кшо приходилъ на капустку, шѣхъ называли капустницами. Приходя, всѣ поздравляли хозяекъ съ капусткой, какъ съ праздникомъ, и, въ самомъ дѣлѣ, онѣ къ эшому дни варили пиво (копорое въ Сибири вообще очень хорошо). Обѣдъ бывалъ хорошій; но лучшее кушанье гошвилось къ вечеру, и было привилегированнымъ блюдомъ дня: эшо *пирогъ хлебальный*, начиненный капустой съ рублеными яйцами. Послѣ обѣда собирались молодья женщины и дѣвицы; мужчины приходили къ вечеру. Рубленіе сопровождалось пѣснями, а вечеромъ, когда все кончено, угощали чаемъ госпей; спарухъ и наспоющихъ работниковъ кормили ужиномъ, пошому чшо въ самомъ дѣлѣ для молодыхъ эшо была шолько предлогъ поплясать. И чшо за работницы нарядныя молодки, въ шелковыхъ перчашкахъ? Для дѣшей эшо бывалъ шакже праздникъ: имъ давали маленькія сѣчки, и, главное, они могли ѣсть, сколько угодно, кочарыжекъ. Послѣ чаю, дѣвицы, молодья женщины и мужчины начинали пляску; но эщо были не кад-

рили и мазурки, а національная наша Русская пляска. Очень часто плясали подъ пѣсни, играли *кругами*, * *оленемъ, боярами, макомъ, съяли просо*. Все это оканчивалось ужиномъ. Иногда послѣ ужина еще плясали; но вопъ было счастье, если могли доспашъ скрыпку! Скрыпачи—обыкновенно бывали самоучки; я слыкала эшихъ самоучекъ; они играли съ голосу разныя пѣсни, и очень порядочно, вѣрно. Тогда можно было плясашъ даже *осмерку, шанецъ, родъ горленки или горлицы*; плясали его въ чепыре и восемь паръ.

По неизмѣнню въ Иркутскѣ и во всей Сибири *фрукповъ*, домашнія заготовленія на зиму ограничивались огородными овощами, ягодами и разныхъ родовъ грибами, какъ—по рыжиками и груздями. Кромъ того что собирали грузди, рыжики и всякіе грибы въ близкихъ оупъ города мѣспахъ, изъ многихъ домовъ оуправляли служипелей довольно далеко, въ лодкахъ и на лошадахъ. Самыя извѣспныя мѣспа, куда ѣздили за грибами и ягодами: Успь-Балей, Успь-Киппой, Шведово зимовье, и Ошунъ, гдѣ была прежде мѣльница. Если былъ урожайный годъ, по возвращались съ грузами земныхъ произведеній. Изъ ягодъ заготовляли бру-

* Старинныя Русскія пѣсни помѣщены въ концѣ книги; равнымъ образомъ круговыя и разныя игры. Предоспавляю ученымъ изысканія, когда и къмъ онѣ занесены въ Сибирь и къ какому времени оиносятся.

снику и голубицу; ихъ проспо сохраняли до заморозовъ въ погребяхъ, а послѣ замораживали. За брусничкой опсправлялись къ Байкалу и на *Гари*: шакъ называющъ хребетъ горъ около Байкала, гдѣ проложена дорога кругомъ эпого моря. Гаями называющъ ихъ попому, что по причинѣ бывающихъ часшо *паловъ*, по еспъ лѣсныхъ пожаровъ, шамъ цѣлые лѣса обгарающъ; эпо случаешся въ Сибири каждую весну: иногда опъ неоспорожностши проѣзжихъ, копорые, гошова себѣ пицу, оспавляющъ огонь не погашеннымъ, иногда опъ того, что выжигаютъ шраву подъ пашню безъ надлежащихъ предоспорожностшей. Цѣлые лѣса горятъ шакъ, что воздухъ наполняешся дымнымъ запахомъ; огонь перебѣгаешъ, какъ лепучіе огненные змѣи, и клубишся въ разныхъ видахъ. Вечеромъ эпо предспавляешъ великолѣпное зрѣлище. Гари оспаются совершенно необишаемыми. Хошя въ Швейцаріи и Савоіи почши шакія-же мѣспа, но шамъ все эпо обрабопано; у насъ, напропивъ, еще шакъ мало населена Сибирь, эпоа прелеспная, плодородная спрана, что много еспъ очаровашельныхъ и удобныхъ мѣспъ не заселенныхъ. На гаряхъ множештво чиспыхъ испочниковъ клубяшъ свои воды; они въ эпоихъ необишаемыхъ мѣспахъ обросли кустарниками черной и красной смородины. Тамъ еще много водишся медвѣдей и другихъ звѣрей; но жишели

Иркушка възяпъ шуда обыкновенно дней на десяпъ за брусникой, и вывозяпъ ея каждою арпелью по 40 и болъе ведеръ.

Въ Иркутскѣ нѣпъ пакъ называемыхъ кондитперовъ, кошорые, избавляя хозяевъ опъ всѣхъ заботъ, договаривающя за прислугу, дающъ на прокапъ споловое бѣлье, серебро, хрусталь и все, нужное для пира. Въ Иркутскѣ у кого нѣпъ всего нужнаго для угощеня, серебра и разной посуды, пѣ просяпъ ихъ у знакомыхъ; и надобно сказапъ, чпо всѣ охотно ссужающъ другъ друга. Но всякй, кпо можепъ, спараепся имѣпъ свое. Сполы гошовапъ болъе женщины, кошорыя извѣсны своимъ повареннымъ искусвомъ, и пѣмъ шолько живупъ, чпо на свадьбахъ, поминкахъ, именинахъ гошовапъ сполы. Поваровъ зовупъ рѣдко, и по болъе когда приглашающъ на обѣдъ чиновниковъ. Офиціаншовъ еспъ нѣсколькo человекъ изъ вольноопущенныхъ, кошорые вездѣ прислуживающъ и пѣмъ живупъ. Музыку обыкновенно нанимающъ полковую. За 15 лѣпъ вольныхъ музыканшовъ не было порядочныхъ.

ПОВѢДКА ВЪ КЯХТУ.

Въ 1804 году, по торговымъ обспояпельсшвамъ мужу моему нужно было ѣхать въ Кяхту; но какъ онъ располагалъ прожить тамъ болѣе года, по и рѣшено было ѣхать намъ вмѣстѣ. Не смотря на разлуку съ родными, я очень радовалась этому небольшому путешествію. Въ Сибири обыкновенно ѣздящъ на почтовыхъ лошадяхъ, или нанимающъ перемѣнныхъ (вольныхъ); но мы, не знаю почему, поѣхали на долгихъ. Сначала наняли лошадей до Лисвяничнаго. Изъ Иркутска выѣхали мы 19-го Сентября вечеромъ и ночевали въ деревнѣ, верстъ за 25 отъ города. Рано по утру мы опять пустились въ путь, и чрезъ нѣсколько часовъ открылась

передъ нами великолѣпная картина взморья (какъ называется мѣсто, гдѣ Ангара вышѣкаетъ изъ Байкала). Тутъ находится пристань купеческихъ судовъ и деревянная церковь во имя Николая Чудотворца *. Мы не остановились тутъ пошому, что намѣрены были переправляться чрезъ Байкаль на казенномъ гальбѣ; но прѣхавши къ Лисивяничному, гдѣ по-же находилась нѣсколько домовъ и почтовая станція, прожили недѣлю за безвѣпріемъ. Хотя была осень и совершенное уединеніе отъ общества, но я не скучала и не могла насмотрѣться на прекрасное мѣстоположеніе. Съ одной стороны обширное пространство водъ, съ другой высокія горы, покрытыя лисивяницами; противоположный берегъ не всегда видѣнъ, но въ ясную погоду Забайкальскія горы бѣлѣются, какъ облака.

Повозки наши были перевезены на гальбѣ; но мы возвращались сюда только къ ночи, и цѣлый день проводили на берегу. Я ходила по горамъ, окружающимъ Байкаль, и по лѣсамъ, гдѣ не встрѣтишь съ людьми, ибо селеній близко нѣтъ, а проѣзжихъ лѣшомъ и осенью мало, пошому что многіе садятся на суда у Никольской пристани. Дней черезъ пять по прѣздѣ мы вы-

* Говорятъ, что теперь купечество, торгующее въ Кяхтѣ, намѣрено выстроить каменную церковь, и уже собрало для этого довольно большую сумму.

держали бурю; съ гальёпу съѣхашъ было не лъзя, и насъ качало двой сунки. Мапросы и пассажиры всѣ спрадали морскою болѣзнію, копорую шамъ называюшъ *угаромъ*; но я не испытала этой непріятности: на меня качка судна не произвела никакого дѣйствія, и я, сидя въ повозкѣ, смопрѣла на кипящую бездну. Черезъ двой сунки море (какъ шамъ называюшъ Байкалъ) успокоилось; къ ночи подулъ попушный вѣперъ, и корабль полешѣлъ. Какая прѣлестная карпина, когда корабль бѣжипъ на всѣхъ парусахъ, въ ясную ночь, и звѣзды горяшъ на небѣ! Поушру мы были уже въ Прорвѣ, куда приспаюшъ суда; вышедши на берегъ, мнѣ долго казалось, что земля качается подъ ногами.

Мы переѣхали въ Посольскій монастырь. Тутъ, кромѣ монастыря, большое селеніе, въ копоромъ мы наняли лошадей до Верхнеудинска. Деревни за Байкаломъ довольно въ близкомъ разспояніи одна опъ другой, и еспъ большія селенія; паковы: деревня Твараговая, Большая Займка, Кабанскъ, Троицкій монастырь и проч. Какія прелестныя мѣста, какіе лѣса и прекрасныя пасбища! Намъ часто встрѣчались кочующія семейства Буряпъ, копорыхъ все богатство соспавляюшъ пабуны скопа. Уложивъ свои войлочныя юршы на быковъ, они гнали свои спада. Буряпы упопреляюшъ быковъ для работы и перевозки, а Рускіе въ Сибири никогда не дѣла-

юпть эпого. Подъѣзжая къ Верхнеудинску, основились мы ночевашь въ одной деревнѣ и нашли большое семейство. Убравши хлѣбъ, жилища заморья моюпть свои избы, по еспь спѣсны и пошолокъ, и можно сказапть, что у нихъ такая чиспоша, какую найдешь развѣ въ Голландіи. Изба хозяевъ нашихъ была большая, и все семейство пило кирпичный чай; эпо я видѣла еще въ первый разъ, пошому что въ Иркутскѣ мало пьюпть кирпичнаго чаю. Я думаю, многіе не знаюпть, что такое кирпичный чай и какъ приготовить его? Онъ вывозишся опть Кипайцевъ, на большія суммы, и его пьюпть Татары, Буряша и Забайкальскіе Рускіе. Они такъ при-выкаюпть къ нему, что онъ дѣлаешся для нихъ необходимъ. Многія женщины съдаюпть даже лиспья чаю или выварки, копорья называюшся шара. Кирпичный чай имѣешть видъ доски, длиною вершковъ семь, шириною пяпъ, а полциною въ вершокъ. Цѣлый кусокъ его называешся *кирпичемъ*; лиспья его, когда разваришся, такіе же, какъ и у обыкновеннаго чая, только гораздо больше; но въ чаѣ, копорый извѣспенъ подъ именемъ байховаго, одни лиспья, а въ кирпичномъ цѣлыя вѣпки. Когда надобно употребляпть эпопть чай, по берупть кусокъ его, смопря по количеспву, сколько хошяпть приготовить; спавяпть чугунку въ печь, и когда закипишть вода, шолкупть чай и кладупть въ кипящокъ; даюпть

еще кипятъ, попомъ кладушь нѣсколько коровьяго масла, соли и поцленого молока. Когда все это хорошо уварится, разливаюшь чумичкою въ небольшія деревянныя чашки и пьюшь съ хлѣбомъ, *шаньгами* и пирогами. Говоряшь, что кирпичный чай очень здоровъ, и кто къ нему привыкъ, тѣ предпочитаютъ его лучшему байховому. Въ постѣ варяшь его съ полченными вмѣстѣ съ скорлупою кедровыми орѣхами, и съ полченымъ коноцлянымъ стменемъ, вмѣсто молока.

Въ Верхнеудинскѣ мы прожили одни сутки. Это хорошій городокъ. Рѣка въ немъ Уда; нѣсколько каменныхъ церквей; есть каменные дома, и вообще все строенія хорошія. Тамошнее купечество торгуешь въ Кяхтѣ и занимается торговлею пушныхъ шоваровъ. Изъ Верхнеудинскѣ мы наняли лошадей до Кяхты. Погода была прекрасная. Селенгинскѣ проѣхали мы не оспанавляясь. Тутъ чаще начали намъ встрѣчаться кочевья Буряшъ. Оспановясь въ одной деревнѣ ночевашъ, я узнала, что близко Буряшскія юрты. Мнѣ хотѣлось видѣть ихъ домашній бытъ и вошедши въ юрту, я нашла разведенный среди ея огонь, а на немъ чугунную чашу или лучше сказаць кошель съ пригоповленнымъ купаньемъ. Около огня спояли ребятишки, совершенно нагѣ; маленькій ребенокъ лежалъ въ зыбкѣ, завернушый въ овчины, и сосалъ кусоць

баранины; машь его вблизи юршы доила коровъ. Буряшы смирны и работащи; рѣдко случается, чпобъ они попадались въ преспушленіяхъ.

Когда мы подъѣхали къ Кяхтѣ, день былъ прекрасный. Гуляя, увидѣла я юршу и нашла въ ней нѣсколько женщинъ. Тупъ было довольно число; въ сиронѣ, на небольшомъ возвышеніи, спояли маленькіе деревянные болваны, а передъ ними въ мѣдныхъ чашечкахъ пшеница и вода. Одна спаруха Буряшка вынула листокъ шонкой бумаги, съ изображеніемъ на немъ безобразныхъ фигуръ и говорила мнѣ чпо-шо; но я, не зная ни сколько языка ея, ничего не могла понять, кромѣ слова *Бурханъ* (шакъ они называютъ своихъ идоловъ). Пошомъ спаруха взяла колокольчикъ и начала звонить. Не знаю, была-ли спаруха Шаманка, или принадлежала къ поколѣнію Ламъ, но мнѣ не случилось видѣть этого въ другихъ юршахъ.

Наконецъ мы прѣехали въ Троицкую крѣпость. Тамъ у насъ осмопрѣли сундуки и чемоданы. Послѣ этого обряда мы заняли кварширу, гдѣ нужно было прожить нѣсколько дней до переезда въ торговую слободу. Нанявши шамъ кварширу, мы переехали на *Нижнюю плотину*: шакъ называютъ торговую слободу, гдѣ живутъ купцы, и нѣтъ иныхъ жителей, кромѣ пограничнаго начальника, да священника съ при-

чепомъ. Разстояние между Верхнею и Нижнею площиною 4 версты. Мѣсто это совершенно пустое, и на немъ не позволяють селиться, чшобы отвратить могущія бытъ злоупотребленія. Вскорѣ у насъ перебивали всѣ торгующіе Кипайцы. Они очень любопытны, и каждый хочеть видѣть пріѣзжихъ. Мужъ мой бывалъ въ Кяхтѣ и прежде; пошому нашлись изъ нихъ знакомые ему. Многіе говорятъ о Кипайцахъ болѣе дурнаго, нежели хорошаго, но я не нахожу этого справедливымъ. Конечно я видѣла Кипайцевъ только торгующихъ въ Кяхтѣ, и не могу судить о всей націи; но судя по видѣннымъ мною, они вѣжливы, умны, смѣливы, хитры. Одежда Кипайцевъ: азямъ длинный, похожій на Ташарскій, по копорому подпоясанъ кушакъ; за кушакомъ у каждаго кошелекъ съ шабакомъ, огниво и полопенце; сверху азяма курма, очень похожая на наши кацавейки, только съ широкими рукавами; на головѣ шапочка, зимою съ мѣховымъ околышемъ и съ красною киспью. Ткани употребляютъ они по соспомято: у богатыхъ шелковыя и суконныя; у тѣхъ, копорые бѣднѣе, кипайчашыя азямы; но курма почти всегда шелковая или суконная. Сапоги у нихъ съ полспыми бумажными подошвами; у нѣкопорыхъ башмаки, по-же съ полспыми подошвами, и спеганые чулки. Лѣпомъ они всѣ носятъ кипайчашыя длинныя плашья, подобныя дамскимъ

блузамъ, и соломенныя шляпы; вѣчная ихъ принадлежность—прубка, или, какъ они называютъ, *ганза*. Трубки ихъ маленькія; у нѣкопорыхъ довольно длинныя чубуки. Кипаецъ вѣчно куригъ, идя по улицѣ и пришедши въ домъ. Не смотря на чинность и церемоніи Кипайцевъ, они не наблюдаютъ ихъ съ Рускими. Входя въ домъ, просно говорятъ: здравствуй, а нѣкопорые, очень знакомые, берутъ и жмутъ руку, попомъ садяся, курягъ шабакъ и говорятъ между собою или съ хозяиномъ. Не знаю, правду-ли пишугъ о Кипайцахъ, что они придугъ въ госпи, и по окончаніи многихъ церемоній, посидѣвши, иногда молча расходягся; совсѣмъ напрошивъ въ Кяхтѣ: шамъ они очень говорливы, даже шушливы и оспроумны. Всѣмъ Рускимъ даюгъ свои имена и рѣдко ошибугся въ характеръ человека. Воигъ нѣкопорыя: *жельзный громъ*, *чортвъ Капитанъ*, и разныя другія. Съ Рускими говорятъ они изломанымъ Рускимъ языкомъ, но, привыкнувши, можно хорошо понимать ихъ.

Очень пріятно слышашъ, что купцы, шоргующіе въ Кяхтѣ, учашъ нынѣ дѣшеи своихъ Кипайскому языку; это должно облегчить шорговья сношенія. Кипайцы съ уваженіемъ обходягся съ спаршими. Когда приходигъ спарикъ, шо молодые уступаютъ ему мѣсто. Такое уваженіе, особливо въ родствѣ, проспирается да-

же за предѣлы жизни. У Кипайцевъ праурный цвѣтъ бѣлый. Поперявшіе опца или машь носятъ прауръ при года, мало по малу сокращая его; послѣдній годъ носятъ сѣрое плашье. Если умеръ дальній родспвенникъ, то носятъ бѣлый поясъ и бѣлые чулки. Кипайцы очень любятъ и ласкаютъ маленькихъ дѣшей; вѣроятно, это пошому болѣе, что они живутъ въ Кяхтѣ безъ семействъ. Въ Маймачинѣ нѣтъ ни одной женщины. Кушанье готвятъ у нихъ повара. Они не любятъ неопрятныхъ женщинъ, говоря: *она адали маши*, то естъ: она почно кухарка. Имъ спранно, что женщины наши пишутъ. Однажды увидѣли они, что я пишу, и сказали: *а! ты еще пишѣ умъша*. Удивлялись пакже, что часно заспавали меня съ книгой и говорили: *ты всегда книга почитай*. У меня было между Кипайцами нѣсколько чловѣкъ хорошо знакомыхъ, копорые приходили въ мою комнашу и сиживали памъ. Особливо два почпенные спѣрика очень любили меня; у обоихъ изъ нихъ были замужнія дочери, и они говаривали со мной о своихъ семействахъ. Одинъ знакомый нашъ Кипаецъ, почпенный чловѣкъ, былъ пакъ огорченъ, получивши извѣстіе о смерши двухъ дѣшей своихъ, что долго не выходилъ никуда, да и спуспя долгое время печаль выражалась на лицѣ его.

Живши въ Кяхтѣ, мы должны были очень

рано вспавашь, пошому чпо по пробишии упренней зари Кипайцы выходяпть изъ Маймачина и идупть ко всѣмъ знакомымъ. Хошя не во всякомъ домѣ еспть имъ надобноспть, но они придупть, сидяпть, говоряпть, курияпть шабакъ; ихъ не лъзя принимапть по выбору. Мвлочники ихъ рѣдко ходяпть по хорошимъ купеческимъ домамъ, кромѣ нѣсколькихъ шоргующихъ мвлочами. Эпи обыкновенно приносяпть шелкъ сученый и пѣневой для шипья гладью, карпинки, куклы, каменныя колечки, будумиловыя духи въ подушечкахъ, вѣра, деревянныя и фарфоровыя чашки, благовонныя чепки, и множеспво другихъ мвлочей, изящныхъ въ своемъ родѣ.

Я упоминала выше, чпо въ Иркутскѣ, 15 лѣпть назадъ, можно было найдпи всѣ наряды, копорые носили наши прабабушки лѣпть за 50 и болѣе; но шеперь все испребляеспя; даже названія нарядовъ, я думаю, скоро исчезнупть, и пошому для любопытныхъ прилагаю слѣдующій рееспрь. Эпо названія старинныхъ нарядовъ и упошребляемыхъ на нихъ маперий:

Роброны.

Фуры.

Серпучки.

Шлафроки.

Круглыя плащя.

Молдаванскія плащя.

Куншуши.

Шушуны длинныя.

Шушуны съ лифомъ и съ маленькимъ воропникомъ.

Кофпы разныхъ фасоновъ.

Тълогрѣйки.

Фалборы (эпо родъ сарафана).

Къ тѣлогрѣйкама, шушунама и кофпамъ принадлежали:

Юпки.

Юпки иногда къ верху наспавляли другой маперіей, похуже, попому чпо подъ шушуномъ не видно было эпого; пакую наспавку называли фурмою.

Шубы. Епанча или маншилія. Онѣ дѣлались на мѣху, съ широкою опушкою и съ круглою пелеринкою.

Шуба *гречанка*, длинная, шо-же съ круглою пелеринкою и съ длинными, довольно широкими рукавами.

Польки, съ рукавами и небольшимъ воропникомъ; но ихъ не надѣвали въ рукава, а проспо накидывали на плеча.

Тулупчикъ, шуба съ длинными рукавами и небольшимъ воропникомъ; она не много подлиннѣе кольна.

Шубочка, короенькая, какъ нынѣшнія кацавейки, полько съ длинными рукавами.

Салопы вспарину были не много длиннѣе колѣна, съ небольшимъ капишономъ.

МАТЕРІЯ ДЛЯ ПЛАТЬЕВЪ.

Разныя парчи.

Шпофы разныя.

Шпофъ Кипайскій по апласу.

Шпофъ букешовый.

Шпофъ браже.

Шпофъ по саржирону.

Шпофъ Французскій.

Апласы разныя съ мушками.

Полосашыя, правчашыя.

Насышь, родъ легонькой парчи.

Бархатъ съ золопомъ.

Бархатъ рыпый, то естъ съ узорами.

Бархатъ гладкій.

Люспринъ.

Гризешъ.

Объари писненыя и полуобъари.

Перуанъ.

Перюсинъ.

Гризенпинъ.

Голи разныя, мѣлкоправчашыя и съ большими узорами

Юпки Кипайскія шипыя.

Юпки Кипайскія рисованныя.

Гургуранъ.

Гарнитуръ Нѣмецкій и Кипайскій.

Канфы, родъ апласу—широкая и очень площная маперія.

Канчи, родъ леваншину; по-же очень прочныя.

Лензы, легонькій апласъ.

Флеры разные.

Флерь, свистунъ.

Флерь рисованный.

Фанза, Кипайская маперія, гладкая и черенковая, родъ шафшы, но мочится, очень хороша и удивительно крѣпка. Ее употребляли на спеганіе; дѣлають изъ нея одѣялы, юпки спеганья, рубашки мужскія и женскія.

Урубокъ, маперія, которую Кипайцы дѣлають изъ крапивы.

Чанчи, янчи и менчи дѣлаются изъ шелку не самаго лучшаго.

Тафшы Французскія и Нѣмецкія, волнистыя и полосатыя.

Кипайки разныхъ родовъ.

Дабá, бумажная маперія, разныхъ родовъ Бѣдныя употребляють ее на рубашки мужскія и женскія, на юпки, шѣлогрѣйки и на подкладку.

Взлетъ въ переизданинъ в. „Русской
Музыкальной“, издае. К. Фукелъ в
1878 г. в. 2-ой.

ПѢСНИ СВАДЕБНЫЯ.

А.

Пѣсня, когда посадишь жениха съ невѣстой за столъ.
Она поешся въ сговоръ, дѣвичникъ и свадьбу. Первый
стихъ поешся дважды, второй однажды, третий опянь
дважды, четвертый однажды, и шакъ далѣе.

Гдѣ былъ лебедь,
Гдѣ лебедка была?
Лебедь былъ
На синемъ морѣ;
Лебедка была
На пихихъ заводахъ.
Нынче они
На одномъ заводѣ,
Нынче они
Одну шравку клююшь;

Нынче они
 Одну воду пьюшь.
 Гдѣ былъ Аншонъ,
 Гдѣ Ивановичъ былъ?
 Аншонъ сударь былъ, Ивановичъ былъ
 Въ каменной Москвѣ.
 Аксиныя росла, Павловна росла
 Въ высокомъ шерему.
 Нынче они
 За однимъ споломъ сядяшь,
 Нынче они
 Одни ѣшвы ѣдяшь,
 Нынче они
 Одну рѣчь говоряшь.

По пропѣшимъ пѣсни жениху и невѣстѣ, поюшь по
 порядку: сначала ошцу женихову, * пошомъ прочимъ го-
 сшямъ; сначала мужчинамъ, пошомъ женщинамъ.

2.

Ужь какъ по лугу, лугу, *
 По зеленому лугу,
 Туда шли, прошли при рошы,
 Три военныя силы;
 Попередъ идешь рошы
 Господинъ Полковникъ,
 Какъ Иванъ, сударь, Полковникъ,
 Какъ Пешровичъ Полковникъ;

* Къ каждому спиху пригѣвъ: *оре-диди*.

На немъ шуба соболья.
 Ужь какъ люди-шо спрoсяшь:
 Тебя кто шубой дариль,
 Или пeсшь, или пeщa,
 Или милая Лáда?
 А Иванъ, сударь, скажешъ,
 А Пeпровичъ-шо скажешъ:
 Чшо не пeсшь шубой дариль
 И не пeщa дарила,
 И не милая Лáда,
 И дариль меня шубой
 Государь Императоръ
 За мою службу вѣрну,
 За мою неизмѣнну;
 Я полки собираю,
 Я другіе сряжаю,
 А прeшьи ошправляю.

3.

Какъ не яхонщeцъ по горницѣ кашилcя,
 Не жемчужина за яхоншомъ кашилась;
 Какъ Пeтръ, сударь, на сговорѣ снаряжался,
 Алексѣевичъ на веселое снаряжался;
 Хорошо его молода жена снаряжала,
 Гребешкомъ ему черныя кудри причесала,
 Жeшпoкó ему Авдошья наказала,
 Жeшпoкó ему Андреевна наказала:
 Ужь шы будeшь-ли Пeтръ, сударь, на сговорѣ,
 Ужь шы будeшь-ли Алексѣевичъ на веселомъ?
 Ужь какъ будушь шeбъ дѣвицы пѣсни пѣши,

Какъ по имени себя спанушъ называши,
 По изочесшву себя спанушъ величаши:
 Ты дари-же, сударь, дѣвицѣ не скупися,
 А дари, сударь, червонцами золошыми.

4.

Не бушуй, не бушуй
 Холодѣнь вѣшеръ,
 Не раскачай, не раскачай
 Звонка колокола,
 Не попусти, не попусти
 Звону по землѣ,
 Не разбуди, не разбуди
 У Машвѣя жену,
 Не разбуди, не разбуди
 У Васильевича,
 Свѣшъ душу Анну, свѣшъ душу Анну Ивановну.
 Вечоръ она, вечоръ она
 Во компаньи была,
 Къ ушру бѣлу свѣшу, къ ушру бѣлу свѣшу
 Сына породилъ,
 Въ шо время его, въ шо время его
 Не случилось въ дому,
 Въ шо время его, въ шо время его
 Царь жаловалъ:
 Тремя городами, шремя городами,
 Тремя спольными.
 Въ первомъ городу, въ первомъ городу,
 Тушъ вина куряшъ,

Во вшоромъ городу, во вшоромъ городу,
 Тушъ пива варяшъ,
 Въ шрешемъ городу, въ шрешемъ городу,
 Тушъ дия крешяшъ.

5.

Въ зеленомъ-шо саду груша
 Зашумѣла, зашумѣла.
 Ошъ чего-же въ саду груша
 Зашумѣла, зашумѣла?
 Какъ повѣяли шонкіе, буйные
 Вѣшперочки, вѣшперочки.
 У Михайла въ дому радосшъ
 Учинилась, учинилась,
 У Ивановѣча въ дому радосшъ
 Учинилась, учинилась.
 Ошъ чего-же въ дому радосшъ
 Учинилась, учинилась?
 Молода его жена сына
 Породила, породила,
 А свѣшъ Федосья, душа, сына
 Породила, породила,
 Свѣшъ Пешровна душа
 Сына породила, породила.

6 *.

Среди двора,
 Среди широкá,

* Пѣніе стиховъ по одному и по два раза, какъ въ первой пѣснѣ.

Свѣша Сергѣя
 Степановича,
 Выросло
 Золотое шычье,
 Вывился
 Бѣлояровый хмѣль,
 Вырвался
 Его добрый конь,
 Вышопшалъ
 Бѣлояровый хмѣль,
 Выломалъ
 Золотое шычье.
 Всплачешся, вспужишся
 Аграфена душа,
 Всплачешся, вспужишся
 Свѣшь Григорьевна.
 Тѣшишь ее, тѣшишь ее
 Свѣшь Степанъ господинъ,
 Тѣшишь ее, тѣшишь ее
 Свѣшь Васильевичъ:
 Не плачь, не шужи,
 Аграфена моя ,
 Не плачь, не шужи
 Свѣшь Григорьевна,
 Выроснешь
 Золотое шычье,
 Вывьешся, вывьешся
 Бѣлояровый хмѣль:
 Будемъ мы жишь
 Лучше прежняго.

Дорогая наша госшейка,
 А свѣшъ Марья, душа Ивановна,
 На добрыхъ коняхъ прѣхала,
 Во апласъ она, во бархашъ,
 Собольми госшья обвѣшаная,
 Жемчугомъ госшья унизаная.
 Вы берите шое госшейку,
 За ея-шо ручки бѣлыя,
 За ея-шо перспши злачѣныя;
 Вы ведите шое госшейку
 Во споловую новую горницу;
 Вы садите шое госшейку
 За сполы-шо, за дубовые,
 Вы за скашерши, за браныя,
 Вы за ѣспва, за сахарныя,
 Вы за пишья, за медвяныя.
 Ты покушай наша госшейка,
 У любезнаго у свашушки,
 У любезной своей свашьюшки.

(Эша пѣсня поешся женщицѣ замужней, у кошорой еспъ дѣши).

Ужь какъ по сѣнямъ, сѣнямъ, *
 По часшымъ переходамъ,

* Припѣвъ: *оре-диди* повшоряется послѣ каждого стиха.

Туда ходила, гуляла
 Дорогая боярыня,
 Свѣшъ Ташьяна Васильевна.
 Во рукахъ носишь блюдо;
 Какъ на зѣлопѣ блюдо
 Три яхонта червленны.
 Ужъ какъ первый-шо яхоншъ
 Свѣшъ Прокошій Сшепановичъ,
 А вшорой-шо яхоншъ
 Свѣшъ Иванъ сударь Прокопьевичъ;
 А шрешій-шо яхоншъ
 Свѣшъ Василій Прокопьевичъ;
 А какъ золотишко блюдо
 Свѣшъ Ташьяна Васильевна.

9.

А свѣшъ Аннушку машушка,
 Свѣшъ Пешровну родимая,
 Въ раннюю зорю те породила,
 Въ Воскресенскую зашуреню;
 Малиною ее парила,
 Молочкомъ ее умывала,
 А сама-шо приговаривала:
 Ты росши, росши, мое дидяшко,
 Ты, умное дидя, разумное,
 Да шы счастливое, шаланливое!
 Опцу машери на чесшь, на хвалу,
 Роду племени на завидосшь.

10.

Свѣшъ Марьюшка по двору ходила,
 Свѣшъ Андреевна по широку гуляла,
 Соболиная на ней шубочка до полу,
 Божья на ней милосшь до вѣка;
 Люди-шо спросяшъ: чья эшо шакая?
 А Данило, сударь, молвишь,
 А свѣшъ Дмишревичъ молвишь:
 Госпожа моя Марья,
 Боярыня моя Андревна.
 Богъ мнѣ далъ шакую,
 Умную, разумную,
 Счастливую, шаманливую.

11.

(Поешся про молодыхъ неженатыхъ муж-
чинъ).

Алексѣй господинъ
 На правѣ. 2.
 Свѣшъ Павловичъ
 На муравѣ. 2.
 Онъ зеленъ сафьянъ сапогъ
 Надѣваешъ. 2.
 Онъ самъ на себя
 Озираешъ. 2.
 Ахши молодець
 Хорошенекъ, 2.
 Ахши молодець
 Пригоженекъ. 2.

Какъ умѣлъ онъ у башюшки

Родиться, 2.

У родимой машушки

Снарядиться; 2.

Онъ гораздъ изъ шуга лука

Спрѣляши, 2.

Гусей, лебедей

Побиваши, 2.

Государю Царю

Ошсылаши; 2.

А за шо Государь Царь

Его любишь, 2.

По головушкѣ

Его гладишь. . . . 2.

12.

(Также про молодыхъ и неженатыхъ).

Зачѣмъ, соловей, 2.

Ты одинъ во саду?

Право, не одинъ: 2.

Господь Богъ со мною;

Много со мной 2.

И гусей, лебедей;

Больше того 2.

Мѣлкихъ пшашечекъ;

Только со мной нѣшь 2.

Бѣлой лебедушки.

Гдѣ ей ни бышь, 2.

А ей бышь у меня.

Зачѣмъ Григорій,
 Зачѣмъ Ивановичъ,
 Одинъ въ шерему?
 Право не одинъ: 2.
 Господь Богъ со мною;
 Много со мной 2.
 И Князей и бояръ;
 Больше того 2.
 Княжескихъ дѣшей;
 Только со мной нѣшь 2.
 Моей суженой,
 Только со мной нѣшь 2.
 Моей ряженой.
 Гдѣ ей ни бышь, 2
 А ей бышь у меня.
 Чьей ей ни слышь, 2
 А ей слышь мою.

(Когда пропоюшь пѣсни всѣмъ госпямъ, шо
поюшь пѣсни невѣспѣ).

13.

Ахъ, шы, солнце, солнце красное!
 Ты къ чему рано закашаешься,
 Ты за горы, горы высокія,
 Ты за лѣсы, лѣсы темныя!
 Ахъ, шы свѣшь-шо наша подруженька,
 Ахъ, шы свѣшь-шо наша голубушка,
 Аграфена, свѣшь, Григорьевна!
 Ты къ чему рано за мужъ пошла?

Ты къ чему рано задумала,
 За дороднаго добраго молодца,
 За Семена свѣшъ Андреевича!
 Недозрѣлая въ полѣ ягодка,
 Недорослая красная дѣвица,
 Не накопила шы ума, разума!
 Ахъ! вы, свѣшъ-шо, мои подруженьки!
 Ахъ! вы, свѣшъ-шо, мои голубушки!
 Не сама-шо я за мужъ пошла,
 Не сама-шо я задумала,
 Не своей волей, охопою:
 Опдаешъ меня сударь башюшка,
 Свѣшъ Григорій, сударь, Карповичъ,
 Государыня родна машушка,
 А свѣшъ Марѳа, душа, Фаддеевна,
 Присудили весь и рѣдъ, племя.

14.

Я когда-шо была малешенька,
 Я когда-шо была глупешенька,
 Я ходила кругомъ лавочки,
 Вкругъ дубовой-шо я причалинки.
 Доходила-шо я, красная дѣвица,
 До родимаго до башюшки,
 До Филиппа свѣшъ Пешровича;
 Да какъ бралъ меня сударь башюшка,
 На свои-шо ручки бѣлыя,
 Говорилъ-шо сударь башюшка:
 Ты росши, росши мое дияшкко,
 Ты умное дияш, разумное,

Ты счастливое, паланливое!
 Не опдамъ я себя, дидяшко,
 Ни за Князя, ни за боярина,
 Ни за гостя, гостя торговаго!
 А шеперь на меня прогнѣвался;
 Опдаешъ меня во чужі́ люди,
 Ко чужому свекру башюшкѣ,
 Ко чужой свекрови машушкѣ.

15.

(Поешся свашу въ сговоръ и дѣвичникъ.)

Ахъ! вы пѣшухи, пѣшухи,
 Пѣшухи рано пѣвчіе,
 Молодые Нѣмецкіе!
 Вы не пойше по ушрѣ рано,
 На зарѣ рано на ушренией,
 На всходимомъ красномъ солнышкѣ,
 Не мѣшайше спашь башюшкѣ,
 Со родимой моей машушкой!
 Какъ вечеръ мой сударь башюшка,
 Онъ не спалъ долго вечеромъ,
 Чшо до самой до полуночи,
 Съ полуночи до зашрени.
 Приѣзжали ко башюшкѣ
 Незваные госпи, нежданые,
 Свашовѣя все леспливые,
 Все леспливые, хваспливые;
 Вызывали моего башюшку,
 Со родимой моей машушкой,

На его сѣни новыя,
 На часпья переходинки;
 Они свашались у башнюшки,
 Свѣшъ у Федора Ивановича,
 На любимой его дочери,
 А свѣшъ Марьѣ душѣ Федоровнѣ;
 Они били руки объ руки,
 Подымали чудны образы,
 Зажигали восковы свѣчи,
 Заручали буйну голову,
 Буйну голову Марьину,
 А свѣшъ Марьи, души Федоровны,
 Чшобъ не выкупишь, не выручишь,
 Чшо ни злашомъ, ни сѣребромъ,
 Дорогимъ, скашнымъ жемчугомъ;
 Только выкупишь, выручишь,
 Удалой доброй мѡлодецъ,
 Свѣшъ Прѣкофій Ивановичъ,
 Все ошъ сваха лешливаго,
 Ошъ злодѣя лукаваго.
 Синѣ море всколебалося,
 Тѣмны лѣсы приклонилися,
 Быспры рѣки помушилися.

(Въ продолженіе времени между свадьбою и сговоромъ, когда пріѣзжаетъ женихъ къ невѣстѣ, поюшъ слѣдующія пѣсни):

16.

Не зычи, гоголь, 2.
 Не высоко лешнишь; 2.

Хошя нѣ високо, 2.
 По поднѣбесью лечу. 2.
 Не плачь, душа Дарья,
 Не плачь, душа Пешрова;
 Не далѣко за мужь ошдаюшъ;
 Хошя нѣ далѣко, 2.
 Прочъ ошъ башюшки везушъ. 2.

17.

Я войроманъ сѣяла, я васильчики сѣдила.
 Какъ повѣдился въ войроманъ гуляшъ
 Удамой, добрый молодець,
 Какъ по имени Василій господинъ,
 По опечесшву Ивановичъ;
 Всю войроманъ вышоппалъ,
 Всѣ васильчики выщипалъ,
 Василису, душу, Сидоровну.
 Ужь я спану брашцу жаловашься,
 Свѣшъ Машвѣю Сидоровичу;
 Какъ ошвѣшъ держишъ Машвѣй господинъ,
 Ошвѣчаешъ, свѣшъ Сидоровичъ:
 Государыня сесприца!
 Самъ я холоспъ, не женашъ,
 Самъ я войроманъ шопчу,
 Самъ васильчики щиплю,
 Самъ красныхъ дѣвицъ смошрю.

18.

Вы мешишеса улицы,
 Вы мешишеса широкія,

Спановишеса гóродя,
 Городы́ съ пригорòдками,
 Теремы съ пришеремочками!
 Хоробрò вьдишь Пешрѣ господинѣ,
 Хоробро вьдишь Ивановичѣ,
 На своемѣ на добрòмѣ на конѣ,
 На любимомѣ своемѣ бахмашѣ;
 Коня плешочкой поспегиваешѣ,
 Со дороженьки сворачиваешѣ,
 Ко двору́ приворачиваешѣ,
 Ко двору-шо, къ двору шѣшеву,
 Къ новой горницѣ, ко шенциной,
 Къ шерему-шо, свѣшѣ, Авдошья души;
 Къ высокому, свѣшѣ, Спепановны.
 А шы спишь-ли, не спишь-ли, Авдошья моя,
 А шы спишь-ли, не спишь-ли, Спепановна моя?
 Какъ ошвѣшѣ держишь Авдошья ему,
 Ошвѣчаешѣ свѣшѣ Спепановна ему:
 Я еще, сударь, нѣ швоя;
 Я Божья, да свѣша башюшкина,
 Свѣшѣ Спепана Тимоеича,
 Государыни родной мапушки,
 Аграфены, свѣшѣ Семеновны;
 Я злашымѣ вѣнцомѣ не вѣячаная,
 Злашымѣ першнемѣ не обрúченая.

19.

Какъ во свѣшлой во свѣшлицѣ,
 Во споловой новой гóрницѣ,
 Какъ въ куши, за занавѣсой,

Тушь сидѣла красна дѣвица,
 Свѣшъ Машрена Архиповна;
 Подняла кушь завѣвсу,
 Какъ взвела очи ясныя,
 Какъ по всей свѣшлой свѣшлицѣ,
 По споловой новой горницѣ;
 Какъ увидѣла, обзрѣла
 Своего брашца родимаго,
 Свѣшъ Ивана Архиповича.
 Государь, брашець миленькій,
 Свѣшъ Иванъ, сударь, Архиповичъ!
 Ты поди, брашець миленькій,
 Ты на свой на конюшій дворъ;
 Поймай, брашець миленькій,
 Своего коня добраго,
 Своего иноходаго;
 Осѣдай, брашець миленькій,
 Во сѣделушко Черкасское,
 Во уздечку шелковую;
 Поѣзжай, брашець миленькій,
 Ты во дѣлече въ чистю поле,
 Въ раздолѣе широкое;
 Засѣки, брашець, засѣку
 Ошъ Воспока до Запада,
 Ошъ земли да и до неба,
 Ни пройди-бы, ни проѣхаша,
 Чшо ни конному, ни пѣшему,
 Чшо ни спарому, ни малому,
 Ни большому, ни середнему,
 Ни моему-шо суженому,
 Ни моему-шо ряженому,

А свѣшъ Дмишрію Ивановичу,
 Со своимъ скрушнымъ поѣздомъ;
 А ошпуда, брашець миленькій,
 Поѣзжай, брашець миленькій,
 На кружало Государево;
 Ты спроси, брашець миленькій,
 Ты у спараго, у малаго,
 У большаго, у середняго,
 Про моѣго-шо суженаго,
 Про моѣго-шо ряженаго,
 Свѣшъ про Дмишрія Ивановича:
 Онъ не пьешъ-ли пива пьянаго,
 Зелена вина двоенаго?
 Не играешъ-ли коспью, каршамн,
 И во всю игру Нѣмецкую?
 Вамъ ошдашь-бы, да не каяшься,
 А мнѣ жишь-бы, да не плакашься,
 Не сидѣшь-бы долго вечеромъ,
 Чшо до самой до полуночи.

—

ПѢСНИ, ПОДЪ КОТОРЫЯ ПЛЯСЫВАЛИ НА ВЕЧЕРИНКАХЪ.

1.

Во саду было, подъ яблонью,
 Во зеленомъ, подъ кудрявою,
 Соловей воцекѡчешъ,
 Молодой воцекѡчешъ.

Въ шерему-шо
 Свѣшъ у Марьи души,
 Въ высококъ-шо у Ивановны,
 Красны дѣвицы играюшъ.
 Ужь шы слышишь-ли,
 Марья душа,
 Ужь шы слышишь-ли, Ивановна?
 Тебя башюшка кличешъ,
 Тебя свѣшъ родной кличешъ!
 Охъ! вы свѣшъ-шо мои подруженьки,
 Зачѣмъ раньше не сказали,
 А я право не слыхала.

2.

У души красной дѣвицы
 Новый огородецъ,
 Новый, новый огородецъ,
 Часной часкоколецъ;
 Пошамилъ, повалился,
 Къ земль приклонился.
 Ошъ пого-же ошъ шыночка
 Лежашъ при слѣдочка,
 Три слѣдочка, два слѣдочка
 Слѣжкомъ призапали,
 Про меня, красну дѣвицу,
 Небыль наказыли.
 Небыль, небыль, небылицу,
 Не былыя рѣчи:
 Будшо я, красна дѣвица,
 Порану всшавала,

По ушпру рано всшавала,
 Голову чесала,
 Рўсу кóсу заплешала,
 Леншочку вилешала,
 Друга провожала;
 Проводила мнѣ друга
 До зелѣна луга,
 До зеленого лужечка,
 До полу - дорóги;
 Со полу-шо я дорожки
 Домой ворошилаь,
 Назадъ, назадъ ворошилаь.
 Съ милымъ не проспшилаь.

3.

Изъ бору, бóру,
 Изъ зеленáго,
 Спучала, гремѣла
 Быспрая рѣчка.
 Обросшала быспра рѣчка
 Калиной, малиной.
 На калиновомъ мосшóчкѣ
 Сидѣла голубка,
 Нòженьки мыла,
 Перемывала,
 Свое сизо пѣрышко
 Пѣребирала.
 Перебравши сизо пѣрье,
 Сама взворковала:
 Зávпра, по ушпру
 Башюшка будешъ;

Хошь онъ будешъ, аль не будешъ,
 Тоски не убудешъ,
 Въ двое, въ шрое у голубки
 Печали прибудешъ.

4.

Окола сыраго дуба *
 Распешъ чернь черница,
 А во шой-ли во черницѣ
 Черенъ соболь скачешъ;
 Поскачи, поскачи соболь
 По чисному полю,
 Поплови, поплѣви ушя
 По шиху Дунаю;
 Ищи себѣ друга,
 Котораго любишь.
 Скачише, вы, дѣвушки, пляшише,
 Вы, холосные, не смошрише,
 Смошрючи дѣвушку не взяли,
 Взять, не взять по любви,
 По башюшкину благословенью,
 По мапушкину умоленью.

* Каждый стихъ повторяется.

ПѢСНИ КРУГОВЫЯ.

1.

(Одинъ ходишь и поешь. Кого онъ называешь по имени, шѣ къ нему приспаяюшь, покуда всѣ играющіе не соберушся. Тогда начинаюшь другія игры).

Чижики, пыжики у ворошѣ,
 Воробушекъ маленькій!
 Ахъ! брашцы, мало насъ,
 Голубчики, нѣмножко!
 Въ хороводѣ людей мало,
 Веселишся не съ кѣмъ спало.
 Ахъ! брашцы, мало насъ,
 Голубчики, нѣмножко!
 Максимъ, сударь, поди къ намъ,
 Егоровичъ присшупись!
 Ахъ! брашцы, мало насъ,
 Голубчики, нѣмножко!

2.

(Всѣ играющіе спановяшся въ кружокъ. Одна дѣвушка посрединѣ круга; мужчина ходишь во-кругъ и поешь).

Царевъ сынъ хоробѣрь,
 Да шы чшб ходишь, гуляешь,

Царевъ сынъ хоробѣръ,
 Да шы чшо примѣчаешъ.
 Царевъ сынъ хоробѣръ.

★

Я хожу, хожу, гуляю,
 Я хожу, примѣчаю,
 Да свою я Царевну,
 Да свою Королевну.
 А моя-шо Царевна,
 А моя-шо Королевна
 Въ Новѣ-городѣ гуляешъ,
 На ней вѣничикъ сіяешъ,
 Сарафанъ на ней камчатный.

★

Ты войди, Царь, во гóродъ,
 Ты возьми ее за ручку,
 Поклонишесь низенько,
 Поздоровайшесь миленько.

3.

Ходишъ Царь
 Около города,
 Около висока;
 Ищешъ Царь,
 Ищешъ Царь
 Царевну свою,
 Королевну свою.

4.

Я хожу, хожу
 Кругомъ города,
 Я сѣку, рублю
 Мечёмъ вороша,
 Еще все-ли я
 Красну дѣвицу ищу;
 Еще гдѣ я
 Красну дѣвицу найду,
 Тушъ ее
 Злашымъ перспнемъ подарю.

5.

Заплешися, плешень, заплешися,
 Ты завейся, шруба золошая,
 Завернися, камка хрущашая!
 Ужь какъ сѣрая ушица
 Пошопила малыхъ дѣшущекъ,
 Во меду, да во пашокъ,
 Да во ѣспвѣ сахарномъ,
 Да во пишѣ медвяномъ.

6.

Подъ коренемъ олень,
 Да подъ дубовымъ олень.
 Тепло-ли ше, олень?
 Сшудено-ли ше, олень?
 Мнѣ не по шепло,
 Мнѣ не по шшудено.

Приодѣнься олень,
 Приокушайся.
 Какъ со дѣвушки вѣнокъ,
 Со молодушки плашокъ,
 Со спарой бабы шлыкъ,
 Со малаго ребеночка пеленочка,
 Съ мужичка, бурлачка,
 Поль-корабличка.

(Кшо сидишь въ кругу оленемъ, шощъ собираешъ со всѣхъ плашки, леншы, и когда соберешъ со всѣхъ, шо ему поюшь).

Сиди, сиди, ящерь — ладу, ладу!
 На золошъ сшулѣ — ладу, ладу!
 Грызи, грызи ящерь — ладу, ладу!
 Орѣховы ядра — ладу, ладу!

7.

(Играющіе раздѣляются на двѣ спороны).

1.

Бояре! да вы по чшо пришли?
 Молодые, да вы по чшо пришли?

2.

Княгини! да мы невѣспъ смошрѣшь!
 Молодые, да мы невѣспъ смошрѣшь!

1.

Бѡре! покажише жениха,
Молодыѣ, покажише жениха.

2.

Княгини! во се нашъ женишокъ!
Молодыя, во се нашъ женишокъ.

1.

Бѡре! покажише кафшанъ,
Молодыѣ, покажише кафшанъ.

2.

Княгини! во се нашъ кафшанъ!
Молодыя, во се нашъ кафшанъ.

1.

Бѡре! покажише кушакъ,
Молодыѣ, покажише кушакъ.

2.

Княгини! во се нашъ кушакъ!
Молодыя, во се нашъ кушакъ.

1.

Бѡре! покажише сапоги,
Молодыѣ, покажише сапоги.

2.

Княгини! во се нашъ сапжокъ,
Молодыя, во се нашъ сапжокъ.

Бояре! поздоровашья!
Молодые, со всѣмъ поѣздомъ!

ЗОЛОТО ХОРОНИТЬ.

И я золошо хороню,
Чисто серебро хороню;
Я у башюшки въ шерему,
Я у машушки въ высѣкомъ.
Паль, паль персень
Въ калину, въ малину,
Въ черную смородину.
Гадай, гадай, дѣвица,
Въ чужой рукъ былица.
Еще дѣвицы гадали,
Еще красныя гадали,
Да не ошгадали.
Очушился персень
Да у дворянина, да у молодого,
На правой на ручкѣ,
На лѣвомъ мизинцѣ.
Черезъ поле идучи,
Русу косу плешучи,
Щелкомъ приплешаючи,
Злапомъ увиваючи.
Куда ушка шла,

Туда пылъ прошла;
 Куда я молода,
 Туда рожъ гусша:
 Овиниспа, примолѡшиспа,
 Еще изъ зерна коврига,
 Изъ полузерна пирогъ,
 Въ голенище широкъ,
 Въ шопорище высокъ.

ПѢСНИ ПОДБЛЮДНЫЯ.

1.

ПѢСНИ ХЛѢВУ И СОЛИ.

Хлѣбу, да соли дологъ вѣкъ, слава!
 Государю нашему долъ шого, слава!
 Государь нашъ не спарѣшся, слава!
 Его добрые кони не вѣдяхся, слава!
 Его цвѣшное плашье не носихся, слава!
 Его вѣрные слуги не спарѣюшся, слава!

2.

Еще ходишь Никола по погребу, слава!
 Еще ищешь Никола не полного, слава!

Чшо не полнога, не покрываго, слава!
 Еще хочешъ Никола дополниши, слава!
 Да кому мы спѣли, шому добро, слава!
 Кому вынешся, скоро сбудешся, слава!
 Скоро сбудешся, не минуешся, слава!

3.

Еще на небѣ
 Да двѣ радуги,
 Какъ у нашего хозяина
 Двѣ радости:
 Еще первая радость —
 Сына женилъ,
 А другая-шо радость —
 Дочь за мужъ опдалъ;
 Еще за сыномъ
 Корабли бѣгушъ,
 А за дочерью
 Сундуки везушъ.
 А кому мы спѣли, шому добро,
 Кому вынешся, скоро сбудешся,
 Скоро сбудешся, не минуешся.

(Три послѣдніе стиха поюшся къ каждой пѣснѣ).

4.

Лѣнивая лѣнивица,
 Лѣнилася она
 Часо по воду ходишъ;
 Она шѣяла снѣгъ

На печномъ столбу;
 Она вышала
 Позолóшь пёршень,
 Позолóшь пёршень
 О шрехъ спавочкахъ;
 Да кому эшимъ перспнемъ
 Обручашися?
 Еще опроку съ опрочицею,
 Добру молодцу со дѣвицею.

5.

Курочка, погребушечка,
 Да греблася она на завалинкѣ,
 Еще выгребла позолóшь перспень,
 Позолóшь перспень о шрехъ спавочкахъ.
 Да кому эшимъ перспнемъ обручашися?
 Еще опроку съ опрочицею,
 Добру молодцу со дѣвицею.

6.

Я брошу подушку черѣзь вороша.
 Ты пади, моя подушка, черѣзь вороша,
 Чшо черѣзь вороша, во высóкій шерѣмъ,
 Изъ висока шерема на шесовую кровашь.
 Да кому на шой подушкѣ спашь, почивашь?
 Еще опроку съ опрочицею,
 Добру молодцу со дѣвицею.

ПѢСНИ РАЗНЫЯ СВАДЕБНЫЯ.

1.

Волга рѣка
 Разливаешся,
 Широка камка
 Разспилаешся;
 Григорій на конѣ,
 Пешровичъ на доброумъ,
 Спошѣшаешся.
 Машрена въ шеремѣ,
 Машвѣвна въ високомѣ,
 Снаряжаешся.
 Снарядилась,
 Горько плакала,
 Какъ будешь идши
 Во чужіе люди;
 Какъ будешь звашь
 Свекра башюшкомъ.
 Башюшкомъ звашь мнѣ не хочешся,
 Свекромъ звашь шакъ не водишся.
 Убавлю я спѣси, гордоспи,
 Прибавлю я ума, разума,
 Буду звашь 2.
 Свекоръ-башюшка.

2.

Какъ во свѣшлой во свѣшлицѣ,
 Во споловой, новой горницѣ, оре-ди-ди.
 За споломъ было дубовымъ.
 Тупшъ сидѣла красна дѣвица,
 Свѣшъ Анна Ивановна, оре-ди-ди.

Ко столу припадаешъ,
 Ко опцу причипашъ:
 Государь, родной башюшка,
 Свѣшь Иванъ, сударь, Ивановичъ!
 Ты спиши лице бѣлое
 На сполъ бѣлудубовомъ.
 У тебя госпи будушь,
 У тебя меня сприсяшь,
 У тебя меня нѣшу.
 Ты на сполъ-шо взглянешъ,
 Меня дѣвицу вспоманешъ,
 Свѣшь Анну Ивановну.

3.

Вокругъ моря, вокругъ синяго,
 Вокругъ синяго моря Хвальнскаго,
 Облегли шуманы, со маревами.
 У души, у красной дѣвицы,
 У Машрены души Дмишревны,
 Вокругъ ея решиваго сердца,
 Облегла шоска со вручиною.
 Государь мой, родной башюшка,
 Свѣшь Дмишрій Степановичъ!
 Ты возьми саблю оспрую,
 Ты сними мою бѣлую грудь,
 Посмотри решивое сердце.
 Свѣшь мое дияшко любезное,
 Свѣшь Машрена душа Дмишревна!
 Нечего брашь саблю оспрую,
 Нечего снимаешь пвою бѣлую грудь,
 Нечего смошрѣшь решивое сердце.

Знашь себя дыняшко
 По бѣлому лицу:
 Бѣлое лицо приусмягнуло,
 Алые румянцы призакрылися,
 Ясныя очи помушилися,
 Изъ очей слезы капилися.

4.

Ахъ, шы свѣшъ моя, свѣшлая свѣшлица,
 Ахъ, шы свѣшъ-ли моя, споловая горница,
 Во сыромъ-шо бору свѣшлица роняна,
 По шихому Дону свѣшцлая плавлена,
 На прекрасномъ мѣспѣ свѣшлица спавлена,
 Косящашыми окошками во зеленый садъ,
 Крушымъ краснымъ крылечкомъ во широкій дворъ.
 Какъ во шой-ли-шо во свѣшлой во свѣшлицѣ,
 Какъ во шой ли во споловой, новой горницѣ,
 Наспавлены сполы-шо все дубовые,
 Разоспаваны скашерши бранья;
 А за шѣмъ ли споломъ бѣлодубовымъ
 Сидѣль удалой, добрый молодець,
 Какъ по имени Василий сударь Григорьевичъ.
 Онъ игралъ въ гусли звончашья,
 Онъ наигрывалъ волю, волю башюшкову,
 Онъ наигрывалъ нѣгу, нѣгу машушкину.
 Приходила гусли слушашъ Ольга душа,
 Приходила гусли слушашъ Аванасьевна;
 Она слушала гусли, сама вонъ пошла,
 Сама вонъ пошла, горько заплакала.
 Ахъ шы свѣшъ-шо воля, воля башюшкина,
 Ахъ шы свѣшъ-ли нѣга, нѣга машушкина.

Опсшавашь-шо будешь опшь воли, воли башюшкиной,
 Опсшавашь-шо будешь опшь нѣги, нѣги машушкиной,
 Привыкашь-шо будешь ко нраву свѣшъ Василя,
 Привыкашь-шо будешь ко нраву свѣшъ Григорьевича.

5.

На морѣ ушка купалася, 2.
 На синемъ сѣрая полоскалася, 2.
 На камушкѣ ушка крылами шрясла, 2.
 На бережку ушка сушилася. 2.
 Какъ-шо будешь съ моремъ разсшавашися, 2.
 Какъ-шо будешь съ синимъ разсшавашися, 2.
 На дворѣ, дворѣ, 2.
 У Софрона свѣша у Никишича 2.
 Горяшъ огни, 2.
 Огни, полынѣи, 2.
 На шѣхъ на огняхъ, 2.
 Все кошлы спшояшъ, 2.
 Во шѣхъ во кошлахъ 2.
 Гуси, лебеди кипяшъ; 2.
 На красномъ крыльцѣ 2.
 Барабаны бьюшъ. 2.
 Во шеремѣ 2.
 У Насшасѣи души, у Софроновны
 Тепляшся свѣчи 2.
 Воску яраго, 2.
 Молишся Богу 2.
 Свѣшъ Насшасѣя душа,
 Свѣшъ Софроновна:
 Создай мнѣ, Боже,

Свекра ласковаго,
 Свекровь привѣшливу!
 Милаго ладу 2.
 Наипаче шого. 2.

6.

Ахъ шы камень, камешекъ,
 Самоцвѣшный, лазоревый!
 Излежался камешекъ,
 На крушой горѣ прошивъ солнышка.
 Я брошу камешекъ,
 Въ огонь, въ полымя:
 Разгорись мой камешекъ,
 Въ огнѣ, въ полымѣ,
 Разсыпся камешекъ,
 На чешыре спороны.
 Расплачься дѣвица,
 Расплачься красная,
 Парасковья Дмишревна,
 Передъ своимъ башюшкомъ,
 Передъ родимой машушкой:
 Государь мой башюшка,
 Свѣшъ Дмишрій Андреевичъ!
 Государыня машушка,
 Свѣшъ Анисья Васильевна!
 У васъ сердце каменное,
 Во булашъ сковано,
 Во ларцѣ положено,
 Ключи въ морѣ спущены;
 Не всплывашъ-шо шѣмъ ключамъ

Со дна моря синяго,
 Со дна Хвалыискаго;
 Не бывашьшой жалосши,
 У родимаго башюнки,
 У родимой у машушки,
 До своего дышяшка,
 До Парасковьи Дмишревны.

(Слѣдующія пѣсни поюцца въ дѣвичникѣ).

7.

Какъ у груши зеленыя, *
 Какъ у яблони кудрявья,
 Много вѣшья шелковаго,
 Много лисья бумажнаго;
 Только вѣшь у эшой грушицы
 Золошой одной вершиночки.
 У души, у красной дѣвицы,
 Свѣшь у Ольги Ивановны,
 Много роду, много племени,
 Много брашцевъ, сесприцъ,
 Много дядюшекъ, пешушекъ,
 Только вѣшь у красной дѣвушки
 Родимаго башюнки.
 Разсхупись пы машь сыра земля,
 Ты раскройся гробова доска,
 Пробудися мой родной башюшка,
 Свѣшь Иванъ сударь Ивановичь!

* Пѣсню эту поюць когда у невѣспы вѣшь опца или ма-
 тери.

Мнѣ нужно шебя, очень надобно,
Привяпшь опъ шебя благословеньце,
Ко суду Божию, ко злашу вѣнцу.

8.

Замело-шо пушь, дорожиньку,
Призапали слѣдки башмачные,
Не бывашь-шо мнѣ, не гащивашь
У любезной своей подруженьки,
У Надежды души Васильевны,
Во своей-шо дѣвичей красошъ,
Во своей-шо шрубчашой кось.

9.

Ужъ какъ по морю корабль бѣжишь,
По синему черенъ бѣжишь;
По бережку красна дѣвица идешъ;
Она вскрикнула, гаркнула,
Своимъ-шо зычнымъ голосомъ:
Корабельщички, гребщички,
Вы приспаньше ко бережку,
Вы возьмите грамошку,
Ко моей шо родной пепушкѣ,
Свѣшъ Анисьѣ душѣ Михайловнѣ.
Напишу-шо грамошку
Не перомъ, не чернилами,
А своими горячьми слезами;
Запечашаю грамошку
Я шоскою, кручиною.

★

Ахъ шы тысяцкїй воевода, оре-ди-ди.*
 Свѣшъ Пармень воевода,
 Господишь воевода, воевода,
 Свѣшъ Кондрашьевичъ воевода,
 Да шы ѣздилъ въ Угру
 Торговаша, шорговаша;
 Да шы бралъ, сударь,
 Не кунами, не кунами,
 И не черными соболями, соболями,
 А шы бралъ, сударь,
 Дѣвицами, дѣвицами,
 Все со русыми со косами, со косами,
 Со дѣвичьими красошами, красошами.

Какъ не ласпочка, не касашочка
 Вкругъ шепла гнѣзда увивалась;
 Она билась, она билась,
 Она бѣлая убивалась.
 Свѣшъ Марья, свѣшъ Пешровна,
 Вкругъ висока шерема ходила.
 Ошоприся, ошоприся,
 Мой высокъ шеремъ ошоприся;
 Ошомкнися, ошомкнися,
 Мой вишой замочекъ, ошомкнися;
 Ошворися, ошворися

* Оре-ди-ди повторається послѣ каждого стиха.

Бѣлодубовая дверь, опворися;
 Распахнися, распахнися,
 Шипой, браной положекъ, распахнися;
 Разбудися, разбудися,
 Сударь-башюшко, разбудися.
 Мнѣ не годъ-шо, мнѣ не годъ-шо,
 Мнѣ не годъ-шо у себя годоваша;
 Мнѣ не лѣшо, мнѣ не лѣшо,
 Мнѣ не красное лѣшо гостиниши;
 Мнѣ не зиму, мнѣ не зиму,
 Не студеную зиму зимоваша:
 Одну ночку, одну ночку,
 Одну шемную ночеваша.
 Не знашь ходя, не знашь ходя,
 Не знашь ходя мнѣ ночь проходиши;
 Не знашь сидя, не знашь сидя,
 Не знашь сидя мнѣ ночь просидѣши;
 Не знашь съ башюшкомъ, не знашь съ башюшкомъ,
 Не знашь съ башюшкомъ говориши,
 Не знашь съ машушкой думу думашь,
 Не знашь съ родимою думу думашь.

12.

Перепелочка, ласпочка,
 Ты зачѣмъ рано вылетаешь
 Изъ своего гнѣзда шеплага?
 Ахъ, вы свѣшъ мои малыя ппашечки,
 Ахъ, вы свѣшъ мои носашыя!
 Не сама шо я вылѣтываю
 Изъ своего-шо изъ шеплага гнѣздышка:

Выбиваетъ меня младъ, ясенъ соколъ,
 Онъ своимъ-шо могучимъ крыломъ.
 Ахъ, шы свѣшъ-шо наша подружнѣйка,
 Ахъ, шы свѣшъ-шо наша голубушка,
 Свѣшъ Марья душа Ивановна.
 Ты къ чему рано за мужъ пошла,
 Ты къ чему рано задумала
 За дороднаго добраго молодца,
 За Василья свѣшъ Васильевича.
 Ахъ, вы свѣшъ мои подружнѣйки,
 Ахъ, вы свѣшъ мои голубушки!
 Не сама-шо я за мужъ пошла,
 Не сама-шо я задумала;
 Ошдаешъ меня сударь башнюшка,
 Свѣшъ Иванъ сударь Прохоровичъ,
 Съ гсударыней родной мапушкой,
 Свѣшъ Анисей душой Андреевной:
 Пришакнули имъ весь родъ, племя.

13.

Не соколъ залешаетъ, оре-ди-ди.
 Не крыломъ замешаетъ.
 Свѣшъ Машвѣй заѣзжаетъ,
 Свѣшъ Андреевичъ заѣзжаетъ.
 Душу Дарью залучаетъ,
 Свѣшъ Пешровну залучаетъ;
 А свѣшъ Дарья душа плачетъ,
 Свѣшъ Пешровна душа плачетъ;
 А Машвѣй ее шѣшишъ,
 Свѣшъ Андреевичъ ее шѣшишъ:
 Ты не плачь, душа Дарья,

Ты не плачь душа Пешровна!
 Не въ полонь я шебя беру,
 Не въ полонь полоною,
 Я беру шебя, Дарьюшка,
 Я беру шебя, Пешровна,
 Я ошъ башюшки къ башюшкѣ,
 Я ошъ машушки къ машушкѣ,
 Я ошъ брашцевъ-шо къ брашцамъ,
 Ошъ сесприць-шо къ сесприцамъ,
 Какъ ошвѣшъ шо держишъ Дарья душа,
 Ошвѣчаешъ Пешровна ему:
 Я сама про шо знаю,
 Я сама про шо вѣдаю,
 Чшо ошъ башюшки къ свекору,
 Ошъ родной ошъ машушки къ свекрови,
 Чшо ошъ брашцевъ къ деверьямъ,
 Ошъ сесприць къ золовкамъ.
 Мнѣ не на будешъ нѣга,
 Какъ у родимаго башюшки,
 Какъ у родимой у машушки.

14.

(Пѣсни, копорья поюшъ въ свадьбу).

Изъ-за лѣса, лѣса темнаго,
 Изъ-за лѣса дремучего,
 Лешишъ спадо гусиное,
 А другое лебединое.
 Ошспавала лебедь бѣлая,
 Прочъ ошъ спада лебединаго;

Приспавала лебедушка
 Ко спаду, спаду гусиному.
 Не умѣшь лебедушка
 По гусиному кликаши.
 Ее спали гуси щипашь,
 А лебедушка кликали:
 Не щиплише, гуси сѣрые,
 Не сама я къ замъ залешѣла,
 Занесли меня вѣшры буйные,
 Вѣшры буйные, осенніе.
 Ошспавала красная дѣвица,
 Парасковья Спепановна,
 Ошъ своихъ по подруженекъ,
 Приспавала Парасковьюшка
 Къ молодымъ-по молодушкамъ.
 Начали ее бабы журиши.
 Не журише, молодушки!
 Не бранише, голубушки!
 Не сама я къ вамъ заѣхала,
 Завезли меня добрые кони,
 Свѣшъ добрые кони Борисовы,
 Свѣшъ добрые кони Ивановича.

15.

Возлелѣй, лелѣй, Волга-рѣка, струею!
 Ужь не долго шебѣ лелѣяши струею
 Ты пошѣшь, шы пошѣшь,
 Машѣй, сударь, дочь;
 Ты пошѣшь, шы пошѣшь,
 Сударь Ивановичъ дочь;

Ужь не долго шебъ шѣшиши;
 Одинъ часъ до суда Божія,
 Одинъ часъ до злаша вѣнца.

(Когда благословяшъ невѣсшу образомъ ошець и
 машъ, и посадяшъ за споль, поюшъ пѣсню).

16.

Благодарствую, бапюшка,
 Свѣшъ Игнашій Филиповичъ,
 Тебъ на хлѣбъ, на соли,
 На премногой швоей милосши;
 Ты поилъ, кормилъ, жаловалъ,
 И ни въ чемъ не ошказывалъ.
 Не ошказывай, бапюшка,
 Ошъ своего благословеньца;
 Какъ швое-шо благословеніе,
 Какъ швое-шо великое,
 Изъ шемныхъ лѣсовъ выведешъ,
 Изъ синя моря вынесешъ,
 И ошъ злыхъ людей оборонишъ.

(Когда пріѣдешъ женихъ за невѣсною).

17.

Шло солнце по залѣсью,
 Шла наша Софьюшка по засполью,
 Бросила ключи, 2.
 О дубовый споль.

Я шебъ, башюшка, 2.

Не ключница,

Свѣшъ родной, 2.

Не ларечница.

Ключница я 2.

Свекру башюшкѣ,

Ларечница я 2.

Свекрови машушкѣ.

18.

Среди было двора, оре-ди-ди.

Среди широка,

Свѣшъ Василья,

Свѣшъ Ивановича.

Соъзжались,

Собирались,

Князья, бояре;

Думали они

Думу крѣпкую:

Какъ идши къ Василью во дворъ,

Какъ идши свѣшъ къ Ивановичу,

Какъ намъ взяшь Марью душу,

Какъ намъ взяшь Васильевну.

Какъ выискался

Удалой, добрый молодець,

Свѣшъ Григорій господинъ,

Свѣшъ Андреевичъ.

Во се я пойду,

Во се я возьму,

Свѣшъ Марью душу,

Свѣшъ Васильевну.

Ужь какъ у броду, броду, оре-ди-ди.

У калиноваго мосша.

Тушъ спояли Князья, бояре,

Бояре все Васильевы,

Бояре все Семеновича;

Они просили, молили

У Пешра-свѣша милосши,

У Ивановича жалосши.

А свѣшъ Пешръ сударь вышелъ,

Онъ добра коня вывелъ;

Они взяли, поклонилися,

Ошошли они похулили:

Еще чшо эшо за конь,

Еще чшо эшо за добрый?

Нѣшъ съдельшка Черкаскаго,

Нѣшъ уздечки шелковой.

Ужь какъ у брода, брода

У калиноваго мосша.

Тушъ спояли Князья, бояре,

Бояре все Васильевы,

Бояре все Семеновича.

Они просили, молили,

Свѣшъ у Марѣи-души милосши,

Свѣшъ у Федоровны жалосши.

А свѣшъ Марѣа вышла,

А свѣшъ Федоровна вышла,

Кованой ларець вынесла.

Они взяли, поклонилися,

Ошошли они, похулили:

Еще что это за ларчикъ,
 Еще что это за кованый?
 Нѣтъ замочка серебряна,
 Нѣшу ключика золочена.
 Еще у брода, брода,
 У Калиноваго моста.
 Тутъ стояли Князья, бояре,
 Бояре все Васильевы.
 Бояре все Семеновича.
 Они просили, молили,
 У Федосьи-души милости,
 У Филипьевны жалости. *
 Свѣтъ Федосья душа вышла,
 Свѣтъ Филипьевна вышла,
 Красну дѣвицу вывела.
 Они взяли, поклонилися,
 Ошошли, похвалили,
 Еще чтожь это за дѣвица,
 Еще чтожь это за красная!
 Что со русой со косою,
 Что со дѣвичей крососою,
 Свѣтъ Марья Пешровна.

20.

(Поюшь въ день свадьбы).

Ахъ, шы выйди, сударь башюшка,
 Свѣтъ Никиша Васильевичъ,

* Это относится къ свахѣ невѣстниной.

За ворошички широкія,
 За вереюшки дубовыя.
 Припади, мой сударь башюшка,
 Ты ко машушкѣ, ко сырой землѣ;
 Ты послушай, мой сударь башюшка,
 Не дрожишъ-ли машь сыра земля?
 Чшо не слышно-ли конскаго попошу,
 Молодецкаго носвисшу?
 Чшо не ѣдешъ-ли мой-шо суженый,
 Чшо не ѣдешъ-ли мой-шо ряженный,
 Свѣшъ Гаврила Ивановичъ,
 Со своимъ-ли крупнымъ поѣздомъ,
 Еще пысяцкій со боярами,
 Княжая свашинька съ подсвашьями.

21.

Свѣшъ Агафьюшка
 Со двора съѣзжала, съѣзжала,
 Свѣшъ Павловна со широка съѣзжала,
 Со груши вершиночку сломала:
 Ты живи, сударь башюшка,
 Безъ своей любезной дочери.

22.

Какъ не ласпочка шпроу шпроила,
 Не касая дорожкой шла, эй, эй.
 Какъ не бѣлый горноспай проскакаль, эй, эй.
 Проскакали шпрои дубовы сани, эй, эй.
 А чешвершыя со вырѣзами, эй, эй.
 Какъ во саночкахъ лежаночка споншъ, эй, эй.

Во лежаночкѣ Иванушка лежишь, эй, эй.
На гору конь упираешся,
Подъ гору конь разбѣгаешся, эй, эй.
Объ калину расшибаешся,
На калинѣ соловей пшница сидишь, эй, эй.
Горьку ягоду калинушку клюешь,
Онѣ малинушкой прикусываешь, эй, эй.
На всѣ стороны поглядываешь,
Чшо на всѣ-ли на чешыре стороны, эй, эй.
Ужь шы пой, воспѣвай соловей,
При печали ушѣшай молодца, эй, эй.
При кручинѣ красну дѣвицу душу, эй, эй.
Соловей во всю ночь просвисшалъ,
Молодецъ во всю ночь не спалъ,
Все во золошы цымбалы проигралъ,
Все душу красну дѣвицу ушѣшалъ.

С Л О В А Р Ъ

УПОТРЕБЛЯЕМЫХЪ ВЪ СИБИРИ СЛОВЪ И ВЫРАЖЕНІЙ (ПРОВИНЦІАЛИЗМОВЪ).

Баба, столбъ у колодца.

Байдара, лодка Американцевъ, въ которой сидятъ два
и три человека.

Бажа чаю, фуншъ чаю.

Барловина, осенняя лучшей дикой козы шкура.

Бастрыкъ, рычагъ и толстая палка.

Безмыкъ, вѣсъ въ два фунша съ половиною.

Братанъ, двоюродный брашъ; также называютъ дво-
юроднаго брата *сроднымы*.

Буранъ, сильный вѣтеръ съ порывомъ.

Бурдукъ, жидкій, горячій кисель.

Бусъ, мѣлкій дождь.

Варнакъ, преспушникъ, наказанный и клейменный; но
такъ называютъ ихъ черный народъ; болѣе называ-
ютъ ихъ *несчастными*.

Ветёрка, вечеринка.

Вожы, лопманы или вожашпые при опасныхъ мѣспахъ и порогахъ.

Гайно, куча хламу всякаго и шакже гнѣздо бѣлки, гдѣ у нея бываешъ нашаскано множешво сору и вѣшвей.

Гайтанъ, шнурокъ понкій; шакже серебряная плоская цѣпочка, на кошорой носяшъ крешъ.

Галешникъ, самый мѣлкій булыжникъ.

Гаркать, кликашъ, вскрикивашъ.

Горбуша, коса на подобіе серпа; шолько ручка у нея гораздо больше: аршина въ полшора. Косяшъ горбушей размахивая въ обѣ спороны, и она болѣе въ упошребленіи; но косишь ею не выгодно, пошому чшо она не можешъ сняшъ шравы близко къ землѣ. Косы, какія въ Россіи косяшъ сѣно, называющся въ Сибири *литовками*.

Горбольсь, бѣлка, когда она линяешъ весною; шогда шерсть у нея красновашая. На бѣлкѣ, кошорая еще не совсѣмъ вылиняла, оспающся красновашыя пашна, и когда попадающся шакія шкурки въ продажѣ, ихъ называющъ *горбольсь*.

Голбець, подмошки къ палашамъ въ избахъ. Иногда *голбець* бываешъ закрышый со всѣхъ споронъ и съ дверями; въ немъ дѣлающъ ходъ въ *подполье*.

Гребеньщицы, женщины, кошорыя нанимающся гресни сѣно.

Гребитъ, сердце вѣщуешъ, беспокоишся.

Гужиръ, солоновашая земля; ее много за Байкаломъ; шамъ кладущъ ее въ щелокъ, когда моющъ бѣлье или полы.

Гуранъ, дикій козелъ.

Грядка, жердочка въ чуланъ, на кошорой вѣшаютъ плашье; ее называютъ и *пересовець*.

Даха, шуба козья вверхъ шерстью.

Дивно, много, довольно-таки.

Дока, масперъ своего дѣла.

Доспѣть, сдѣлать.

Дошлый, проидоха, проныра.

Дресва, крупный песокъ.

Дрова кандовыя, лучшія сосновыя и лиственничныя; мѣлкія дрова называются *мендовыми*.

Ереститъся, ворчать, бранишься пошихоньку.

Еретикъ, мершвецъ.

Жирикъ, плошка, налипшая саломъ или рыбьимъ жиромъ, для освѣщенія въ избѣ.

Журавецъ, коромысло у колодца.

Завозня, сарай карешный.

Заилка, загородный домъ, или по-Малороссійски хуторъ.

Закаяться, опречься навсегда.

Запасъ, мука ржаная и пшеничная.

Заплоть, заборъ кругомъ дома.

Зародъ, скирдъ сѣна.

Затуранъ, мука пшеничная, поджареная въ коровьемъ маслѣ. Ее употребляютъ разводя чаемъ, или кипящею водою, съ прибавкой соли и молока. Эта смѣсь почищается лекарственною или очень здоровою.

Зимовье, кухня и людская, отдѣльныя отъ дому, или изба въ отдаленіи отъ всякаго жилья.

Зыбунъ, прясина или болошо.

Зыбка, колыбель.

Изморозь, гололедица, особливо во время замерзанія Ангары.

Изурочить, сглазитьъ.

Игиги, сапоги не на полстой подошвѣ и безъ подшивки.

Казенка, чуланъ.

Калаузь, кожаный мѣшокъ для дороги.

Камлейки, особенный родъ плашья. Ихъ привозятъ изъ Америки, Камчашки, Зашиверска и Охошска. Онѣ бывающъ изъ рыбьихъ или китовыхъ кишекъ, и расшиты, изукрашены волосами и шонками ремешками морскаго кошика. Еще бывающъ камлейки изъ оленьей или лосиной кожи, съ кошорой снята шерсть и кожа выдѣлана; онѣ немного ниже колѣна, иногда съ капшономъ, кошорый надѣвающъ на голову. Ихъ носятъ почти всѣ живущіе въ шѣхъ мѣснахъ Русскіе промышленники, потому что онѣ предохраняющъ отъ вѣтра и сырой погоды.

Канаться, признавашся, каяшся.

Карбазъ, большой плоскодонный паромъ или барка. Маленькіе *карбазы* называются *щитиками*.

Катушка, кашальная гора.

Кислица, красная смородина.

Кислы, сырая капуста, квашеная съ просѣянной ржаной мукой.

Клюка, кочерга.

Копоть, пыль.

Корга, ошлогій берегъ, покрышый мѣлкимъ камешникомъ.

Котцы, загородки изъ колевъ; шакъ ловяшъ омулей въ осеннее время.

Кортомъ, наемъ дома; нанимающій домъ, *кортомщикъ*.

Курги, заливы въ рѣкахъ и озерахъ.

Куть, перегородка въ избѣ, гдѣ спряпаюшъ передъ печью; иногда она состоила изъ какой нибудь занавѣски, повѣшенной на жердочкѣ.

Лабашакъ, родъ азяма или хадаша изъ верблюжьей шерсти; получающся ошъ Бухарцевъ.

Лагунъ, ушашъ съ двумя днами и гвоздемъ; въ нихъ держашъ квасъ и пиво.

Ладно, хорошо.

Латка, глиняная глубокая сковорода.

Ложкомойка, небольшая кадочка, въ кошорой моюшъ посуду.

Макса, пошрохъ налима.

Марево, шуманъ.

Межеумокъ, узкій шопоръ.

Мизгирь, паукъ.

Молосное, скоромная пища.

Мореставъ, время замерзанія Байкала.

Мытница, женщина, кошорая моетъ полы.

Мухникъ, пирогъ изъ ржаного шѣсса, внушри посыпанный солью.

Мѣдникъ, большой мѣдный горшекъ.

Мягкя, вообще пшеничные пироги, булки и *шаньги*.

Набирка, бурачекъ, особенно для ягодъ.

Наледь, вода сверху льда.

Наливашиники, пирожки съ вареньемъ; *наливашиники маленькіе*, бисквиты съ вареньемъ.

Наконечники, пришитые къ полощенцу, кружевные или вышитые концы.

Налистники, лепешки изъ жидкаго шѣста, замѣшан- ные на проспеквашѣ и сверху со смешаной. Ихъ пекутъ на капустныхъ листьяхъ.

На прокъ, на будущій годъ.

Нельма, бѣлорыбица.

Нерпы, шюлени; они есъ въ Байкалѣ. Между промы- шленниками есъ *Новѣрье*, что когда поймають нер- пу, шо она плачешъ, и потому въ Иркутскѣ гово- рятъ: плачешъ, какъ нерпа.

Оболокаться, одѣваться.

Озойсой, огромный, большой.

Огоньки, боа изъ собольихъ хвостовъ.

Опришникъ, опчужденный (опричникъ).

Опружился, ошупился, упалъ въ яму или въ воду.

Ошейникъ, галсухъ изъ бѣличьихъ хвостовъ.

Падь, узкая долина между двухъ горъ.

Палы, пожары лѣсные. Когда горитъ лѣсъ, шо гово- рятъ: *палы ходятъ*.

Парка, одежда жителей Якутска, Охотска и Кам- чатки, изъ разныхъ звѣриныхъ шкуръ, бобровъ, ко- шиковъ, куницъ, пыжиковъ, формою похожая на *кам- лейку*, шерстью внизъ, а сверху окрашенная особен- ною красною краскою и обшитая бобромъ или ко- шикомъ.

Пельмени, шо-же, что въ Россіи называють ушки. Ихъ дѣлають изъ макароннаго шѣспа, съ рубленой говядиной, также съ рыбой, съ грибами, замораживають, и они превращаются въ камешки. Въ какомъ видѣ берутъ ихъ въ дорогу (въ Сибири не бываетъ опшпелелей), и спобитъ опуститъ пельмени въ кипящую воду, кушанье гошова, и очень вкусное.

Перстянки, перчашки.

Пестерь, большое лукошко, сплешеное изъ шонкихъ драничекъ или прущевъ.

Пилы, обшитые кожей войлочные копы, или валенки.

Поваренка, уполовникъ, или чумичка.

Подполье, сухой погребъ подъ жильемъ.

Подживотникъ, шесма въ палецъ и въ два шириною.

Подпльть, кухня, если она подъ жилыми комнатами.

Подпаль, молодая, не дорослая бѣлка; шкура у ней черная.

Подростокъ, дѣвочка или мальчикъ опъ 10 до 15 лѣтъ.

Подорожники, разные припасы на дорогу, крендели, булки.

Пожамкать, немного постирашь бѣлья.

Полазъ, длинный коверъ.

Полубогъ, бочка или боченокъ, перепиленный на двое; объ половины называюща полубочьями.

Помощь, работа общими силами нарочно приглашенныхъ, кошорыхъ послѣ этого угощаютъ.

Портище; прежде такъ называлась кишайка, извѣстная бумажная машерія, получаемая опъ Кишайцевъ; она свершывалась въ шрубки и называлась *портище*.

Порча, сглазь. *Порчею* называешъ просшой народъ всѣ непоняшныя для него болѣзни.

Поскотина, огорожа для скоша подлѣ деревень.

Прикопотки, шершявые носки.

Пропарина, полынья.

Прорва, узкое мѣсто на рѣкахъ, гдѣ можно проходишь судамъ.

Протока, проливъ рѣки.

Прошка, нюхальный шабакъ. Говоряшъ: «Онъ *пъеть* прошку, или *ширкаеть*,» шо есть нюхаешъ шабакъ. Въ Охотскѣ, Якушкѣ, Камчашкѣ, Туземцы и даже Русскіе кладушъ въ рошъ лисья шабаку, и держашъ покуда высосушъ весь сокъ. Это называюшъ *лемешиною*, и говоряшъ: «Онъ кладешъ лемешину за губу.»

Пурга, вьюга или метель.

Ровдуга, выдѣланная кожа оленя или лося.

Рѣкоставъ, время замерзанія рѣки.

Сахарники, бисквишы разныхъ видовъ.

Сестреницы, двоюродныя сесстры.

Смолость, коровье вымя.

Сношенницы, жены двухъ братьевъ родныхъ или двоюродныхъ.

Сокуй, ледяныя горы, кошорыя набиваешъ на берега Байкала осенью.

Соръ или *сѳры*, мѣсца, гдѣ расшетъ, болѣе въ заливахъ Байкала, права и шроспникъ.

Сохатый, лось дикій.

Станокъ, почтовая спанція.

Страда, жашва и время жашвы.

Срочный, работникъ, нанятой на срокъ.

Струганина, мерзлая рыба, наспроганная ножемъ.

Это любимое кушанье жищелей Якутска, Охотска и Камчатки.

Стружекъ, легкая съ оспрыми концами лодка, не поднимающая болѣе шрехъ человекъ.

Стряпка, кухарка.

Судомойка, мочалка.

Сулой, сырой кисель.

Съмятко-дителя! Упохребишельное ласковое слово шарушекъ съ дѣшми.

Таросья, большія льдины при замерзаніи Ангары. По нимъ шарники угадываютъ, плодородный-ли будешь годъ: если много *таросьевъ*, то много будешь хлѣба.

Толкунцы, шпормы на Байкалѣ.

Трапезникъ, спорожъ и прислужникъ церковный. По Воскресеньямъ онъ ходишь въ дома прихожанъ, съ кузовомъ за плечами, говоря: «Трапезнику *мяконькаго*» (пшеничнаго). Въ Воскресенье почти вездѣ пекушь булки и пироги, и въ каждомъ домѣ даюшь ему пирогъ или булку.

Тулуны, мѣшокъ кожаный изъ выдѣланной кожи.

Турсукъ, кузовъ изъ бересшны; въ нихъ привозятъ ягоды, особенно бруснику съ Лены.

Уловы, глубокія ямы въ рѣкахъ, гдѣ вода вершился какъ въ воронкѣ.

Унты, сапоги изъ *барловины*, шерстью внизъ, безъ поднаряду; для крѣпкосши ихъ обшиваюшь внизу кожею.

Уросить, говорящъ, когда ребенокъ упрямится; шо-же и о лошади, когда она ршачится.

Усолье, соляной заводъ, солотарня.

Ушканъ, заяць.

Хворосты, родъ пирожнаго. Ихъ дѣлають о масляницѣ, изъ крупичашой муки и свѣжихъ яицъ; рассучивши шонко шѣсно, вырѣзываютъ рѣзцомъ разныя фигуры и жарятъ въ маслѣ.

Хлебальникъ, большой пирогъ изъ сдобнаго шѣсна, съ рубленой морковью или капустой и рублеными яйцами. Пирогъ съ рубленой говядиной называютъ *росольникъ*.

Хрушко, что нибудь крупно исполченное.

Цыбикъ, ящикъ или *мѣсто* чаю байховаго или кирпичнаго.

Цѣпля, бадья у колодца.

Чалпанъ, кожаный мѣшокъ, въ кошорый Буряшы наливаютъ масло.

Чарки, кожаные копы, обувь чернаго народа.

Чебакъ, теплая шапка съ ушами; иногда бываетъ у нея назади лоскутъ, уши поднимаются къ верху и завязываются лентой; но иногда эту шапку называютъ *малахай*.

Чег, говорящъ дѣшамъ, когда показывають какую игрушку.

Шанга, полстая лепешка, помазаная сверху шворогомъ или смешаной.

Шестокъ, мѣсно подъ лавкою, гдѣ зимою держашъ куръ, загороженное рѣшешкою.

Шиверы, подводные камни или косы, которые почти выказываются изъ воды.

Ширить, зашивашъ въ кожи шовары, отправляемые въ дальнюю дорогу. Въ Иркутскѣ и Кяхтѣ есть на это особенные мастера; ихъ называютъ *ширильщики*.

Шуга, мѣлкій ледъ по рѣкѣ.

Щеки, каменные горы по обѣимъ сторонамъ рѣки или дороги.

Щетко, хорошо.

Эка втора! междометіе, выражающее сожалѣніе или удивленіе.

Ядрѣный, здоровый, крѣпкій.

Яманъ, козелъ.

Ямануха, коза.

Еще не такъ давно въ Иркутскѣ угощенія совершенно напоминали старую Русь. Для званыхъ обѣдовъ гоповили множество кушаньевъ, блюдъ 30 и болѣе. На spoilъ шавили пиво, квась, медъ, вино; наливки обносили послѣ. Порядокъ блюдъ былъ слѣдующій: сначала подавали холодныя, пошомъ супъ и щи, за шѣмъ соусы, жаркое и пирожное. Spoilъ ушавляли холодными блюдами и пирожнымъ. Чаши съ супомъ и щами подавали на spoilъ, и кпо вибудъ изъ знакомыхъ разливалъ. Холодныя, кошорыя шавили на spoilъ: окорокъ вешчины цѣлый; кошь у него обвипа мѣлко высприженною бумагою и завязана леншочкою; окорокъ свѣжей свинины или бужанины, убранный шакимъ-же образомъ; поросенокъ, обсыпанный яицами; курицы, шо-же обсыпанныя яицами; гуси, обложенные солеными огурцами и обсыпанные зеленью; ушки, убранныя шакимъ-же образомъ. Дичина, шеперки, глу-

хіе шешеревы, обложенные лимонами. Къ холоднымъ блюдамъ подавали лимонный сокъ, уксусъ и горчицу. Къ супу и шамъ подавали пирожки, болѣе жареные въ маслѣ; ихъ называли *спускными*. Соусы подавали сначала кислые, попомъ сладкіе: съ говядиной, въ видѣ небольшихъ круглыхъ коплешъ, съ лукомъ красный; съ почками шо-же красный, кислый; съ курицей бѣлый соусъ. Соусы съ гусемъ, ушками и языкомъ дѣлались красные, сладкіе, съ изюмомъ, черносливомъ и миндалемъ; соусы съ дичиной кислые, красные; пащешъ слоеный. Пшенинкъ, въ соусникъ запеченный, съ янцами и сахаромъ. Жаркія всѣхъ родовъ подавались каждое розно. Къ жаркому огурцы соленые, огурчики въ шыквѣ, грузди и рыжики соленые, капуста свѣжая шинкованная, лѣпомъ зеленый салатъ, арбузы и дыни соленые. Пирожныя: пирогъ сладкій, слоеный; шоршы разными манерами, слоенныя: ихъ называли *тѣрки*; вафли, кольца, кудри, спружки, шрубочки, розочки, наливашники двухъ сортовъ; бисквишъ; большой бисквишъ, испеченный въ каспрюлѣ; миндальное разное, въ формахъ печеное, крестиками, съ вареньемъ; желе и бланманже.

Въ пошпы шакже гоповили много кушаньевъ: разная рыба, холодныя, жаркія; въ соусахъ порядокъ соблюдали шошъ-же, лишь съ шѣмъ различіемъ, что напередъ подавалась икра осешровая, попомъ кулебяка пребольшая, иногда въ аршинъ, съ осетриною, подсыпанною вязигою. Еще въ числѣ жаркихъ одно сосшавлялось изъ рыбы. Тѣло рыбы полкли въ шѣшо, средину начинивали вязигой съ фаршемъ и жарили въ

маслѣ. Это блюдо называлось *круглое тѣльное*, и чѣмъ больше кулебяка и тѣльное, тѣмъ лучше. Пирожныхъ дѣлалось также множество.

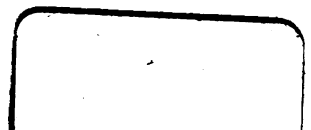
К О Н Е Ц Ъ

3 2044 019 844 059

Digitized by Google

